

ЕСЛИ ВЫ ДО СИХ ПОР НЕ ЧИТАЛИ
АНДРЕЯ ВОРОНИНА – САМОЕ ВРЕМЯ ИСПРАВИТЬ ЭТУ ОШИБКУ

КОММЕРСАНТ

Андрей Воронин

ИНКАССАТОР

ОДНАЖДЫ ПРЕСТУПИВ ЗАКОН

ДЕТЕКТИВ

СТАВКА НА ОРУЖИЕ

Инкассатор

Андрей Воронин

**Инкассатор. Однажды
преступив закон**

«ХАРВЕСТ»

2002

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

Воронин А. Н.

Инкассатор. Однажды преступив закон / А. Н. Воронин —
«ХАРВЕСТ», 2002 — (Инкассатор)

ISBN 978-985-18-3627-3

Его подставили как пешку в крупной игре. В его смерти даже не сомневались, но... Он уцелел вопреки всем законам мафии. Ему удалось невозможное, но этого мало. Мало для того, чтобы жить. Для этого надо любой ценой восстановить свое честное имя. «Инкассатор» – новый сериал известного мастера российского детектива Андрея Воронина, автора суперпроектов Слепой, Комбат, Инструктор, Атаман, Му-му.

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

ISBN 978-985-18-3627-3

© Воронин А. Н., 2002
© ХАРВЕСТ, 2002

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	38
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Воронин
Инкассатор. Однажды преступив закон

© Подготовка, оформление. ООО «Харвест», 2014

Глава 1

Что такое гараж? Существует распространенное мнение, что гараж – это строение, в котором можно хранить автомобиль, и не более того. Этому мнению, как правило, придерживаются те, кто никогда в жизни не имел ни гаража, ни автомобиля.

Глядя из окна набитой до отказа электрички на огромные пространства, застроенные рядами гаражей, эти люди видят только скопления уродливых бетонных коробок, которые портят пейзаж и навевают уныние и скуку. Им невдомек, что под плоскими черными крышами, из которых торчат похожие на бледные мухоморы оголовки вентиляционных труб, скрывается целый мир – иное измерение, другая планета, самостоятельное государство с непонятной пешеходу системой отношений и шкалой ценностей. За крепкими железными воротами с громыхающими хитроумными запорами хранятся сокровища, которые человеку, далекому от техники, могут показаться просто беспорядочными горами ни на что не годного хлама.

Сюда приходят, чтобы отдохнуть душой, и очень часто где-нибудь в труднодоступном уголке между ржавой выхлопной трубой и стопкой потемневших от времени занозистых досок прячется от дневного света и зоркого глаза бдительной супруги заветная бутылочка вина или водки – своеобразный НЗ, который постоянно расходуется и неизменно пополняется. Здесь же, как правило, стоит и пара граненых стопок – не рюмок, а именно стопок, каких больше не выпускает промышленность, – и лежит завернутый в пожелтевшую газету кусочек сала. Здесь, в гараже, ведутся долгие душевные беседы и решаются многие вопросы. Тогда заветная бутылка извлекается из тайника и устанавливается на капоте стоящего тут же автомобиля. Алкоголь развязывает языки и делает одетых в замасленные рабочие комбинезоны мужчин решительными и смелыми.

По мере того как уровень жидкости в бутылке понижается, голоса, наоборот, становятся все громче, и наконец наступает момент, когда нужно либо принимать какое-то радикальное решение, либо просто допивать и расходиться. Принимать радикальное решение страшновато, да и пар уже по большей части выпущен, так что все, как всегда, заканчивается пшиком. Пустая бутылка со всеми необходимыми предосторожностями выносится из гаража и выбрасывается подальше от того места, где ее могла бы заметить чья-нибудь жена, стопки споласкиваются водой из протекающего рядом ручья, и все идет по-прежнему – вроде бы как всегда, а на самом деле с каждым днем все хуже и хуже.

...Головка ключа вдруг ни с того ни с сего соскочила с приржавевшей гайки, и Иван Кольцов, потеряв равновесие, больно ударился рукой о бетонный пол гаража. Он зашипел от боли и раздраженно отшвырнул ключ, который со звоном запрыгал по полу и остановился у стены.

– Мать твою Бога, рога, носорога, – выразительно произнес Иван, – Распутина дурного, Николая Второго... Пропади оно все пропадом!

Он уселся на пол, привалившись спиной к борту своей «девятки», облизал кровь с ободранных пальцев и принялся озабоченно разглядывать полученные повреждения. Кулак выглядел так, словно им только что съездили кому-то по зубам. Иван подумал, что было бы в самом деле неплохо съездить кое-кому по зубам, вот только потом как бы не пожалеть...

Он вытянул вперед ноги в разбитых и ободранных, давно потерявших товарный вид кожаных ботинках, устраиваясь поудобнее, и вытащил из нагрудного кармана промасленного комбинезона пачку «Кента». Ароматный дымок синеватой струйкой потянулся в приоткрытую дверь гаража. Иван поглубже надвинул засаленное армейское кепи, прикрыл глаза и стал думать о том, как здорово было жить в конце восьмидесятых – начале девяностых, когда все вокруг ходили пьяные от внезапно обрушившейся свободы. И заработать денег было проще

простого. Конечно, сложностей хватало и тогда, но в ту пору они еще не приобрели такого размаха...

В дверь гаража коротко стукнули. Иван поднял голову и увидел в дверном проеме соседа по кооперативу Николая Зайцева – давнего приятеля и коллегу по бизнесу, такого же, как он сам, «продавца скорости», вольного охотника за подвыпившими клиентами, который уже много лет выколачивал копейку из своего старенького «Опеля». Высокий и сутулый Зайцев сложился почти пополам, протискиваясь в низкую дверь. Во рту у него дымилась неизменная сигарета, казавшаяся такой же неотъемлемой деталью его вечно сморщенного, похожего на сушеное яблоко лица, как нос или вислые прокуренные усы.

– О, – сказал Зайцев, не сразу отыскав глазами Кольцова в полумраке гаража, – перекур?

– Да... Перекур, – проворчал Иван, неохотно подтягивая под себя ноги и вставая.

Он протянул Зайцеву руку, и тот был удивлен, ощутив вместо привычного крепкого пожатия вялую расслабленную ладонь приятеля.

– Что это ты затеял? – поинтересовался Зайцев, окидывая взглядом стоящий на колодках автомобиль без колес и разбросанные по всему гаражу покрышки.

– В гробу я видал такие затеи! – в сердцах воскликнул Кольцов и полез в карман за новой сигаретой.

– Не понял, – сказал Николай. – Зачем ты резину меняешь? Ты же недавно новую поставил!

– А теперь вот старую ставлю, – раздраженно ответил Кольцов. – Хобби у меня такое – каждую неделю резину менять.

– Это не хобби, – сказал Зайцев, – это извращение. Мазохизм называется. Слышал про такое? Ты что, на шиномонтажку подскочить не можешь?

Кольцов посмотрел на приятеля долгим взглядом, прикидывая, не издевается ли тот. Лицо Зайцева не выражало ничего, кроме сочувствия и легкой заинтересованности, и Иван понял, что Николай действительно не в курсе последних событий.

Иван вздохнул и зачем-то постучал носком ботинка по валявшейся у стены покрышке. Протектор на покрышке был новенький, совсем неизношенный. За комплект зимней резины Кольцов две недели назад заплатил триста долларов. «Лучше бы я эти деньги пропил», – подумал он с горечью.

– Ты не в курсе, что ли? – спросил он. – Мне же сегодня все четыре колеса пропороли. Прямо с утра.

– Да ты что?! – поразился Зайцев. – Вот суки! Где это тебя угораздило?

– В Быково, – скривившись, ответил Кольцов. – Подвез одну до аэропорта...

– Выгодный рейс, – заметил Зайцев.

– Да уж куда лучше... Помогите, говорит, вещи до камеры хранения донести. Я вам, говорит, доплачу... Смазливая такая бабенка, разговорчивая. Я так понял, что, если бы не самолет, с ней можно было бы договориться. Нет проблем, говорю. Какие вопросы? Да там и багажа-то – чемодан да сумка. Минут на пять отлучился, не больше. Возвращаюсь и вижу... вот это.

Он снова с отвращением пнул проколотую покрышку.

Теперь Зайцев увидел на ее боковой поверхности длинный косой порез. Его передернуло, когда он представил себя на месте Кольцова – там, в Быково, на открытой всем ветрам асфальтированной площадке, рядом с просевшим на проколотых шинах автомобилем, под косыми насмешливыми взглядами вечных конкурентов – таксистов из муниципального таксопарка...

– Вот суки, – повторил он.

– Волки, – согласился Кольцов. – Волки на «Волгах»...

– Думаешь, они?

– А кто же еще?

– Да, – подумав, согласился Николай, – больше некому.

Он привалился плечом к небрежно оштукатуренной стене гаража, ничуть не заботясь о том, что может испачкаться побелкой, и задумчиво прикурил сигарету от окурка предыдущей. Его похожее на печеное яблоко лицо сморщилось еще больше, прокуренные усы сосредоточенно шевелились под коротким, нахально вздернутым носом, взлохмаченные брови сошлись к переносице, и между ними пролегли две глубокие параллельные морщины.

– За такие дела, – выдавил он наконец из себя, – морду бить надо.

Кольцов посмотрел на него, как на умственно отсталого больного.

– Кому? – спросил он, не скрывая прозвучавшего в голосе презрения.

– Да всем, – не обращая внимания на тон приятеля, ответил Зайцев. – Совсем оборзели, козлы. Прохода не дают. Басурману позавчера лобовик на стоянке раскокали. Он за сигаретами отошел. Вернулся, а от лобовика одни брызги... Меня сегодня один гад так подрезал, что я еле смог разминуться. До сих пор, как вспомню, руки трясутся. Мочить их надо, Ваня!

Кольцов зло пнул проколотую крышку.

– Мочить, – машинально повторил он. – Кто их будет мочить? Ты? Я?

– Нас много, – сказал Зайцев. – По крайней мере, не меньше, чем этих уродов на «Волгах».

Кольцов поморщился. Эти разговоры ему безумно надоели. Конкуренция между государственными таксистами и частными извозчиками давно превратилась в битву шакалов, где каждый норовил укусить исподтишка и отскочить в сторону, пока ему не дали сдачи. Таксисты при этом были лучше организованы и хотя бы отчасти находились под защитой закона. Кроме того, они, в отличие от частников, рисковали не собственными машинами, заработанными потом и кровью, а государственными развалюхами и поэтому действовали более открыто и нагло.

– Брось, Коля, – сказал Кольцов, – все это пустой треп. Каждый сам за себя, один Бог за всех. Сколько лет мы уже об этом говорим, а что толку? Своя рубашка, знаешь ли, ближе к телу.

Он подобрал с пола монтировку и принялся ожесточенно натягивать лысую крышку на колесо. Зайцев передвинул дымящийся окурок в угол рта, рискуя подпалить усы, и стал помогать ему, постукивая по крышке молотком. Это была работа, от которой оба давно отвыкли: обычно колеса «обували» в шиномонтажной мастерской. Но у Кольцова, по всей видимости, имелись веские причины для того, чтобы заниматься этим делом самостоятельно. Зайцев догадывался, что это за причины: в последнее время дела у приятеля шли далеко не лучшим образом, как, впрочем, и у него самого. Денег, которые оставались от выручки после выплат рэкетирам, едва хватало на бензин и запасные части. Хмурясь и грызя фильтр сигареты, Зайцев думал о том, что раньше жилось полегче. Даже рэкет, помнится, не доставлял таких забот: брали, конечно, много, но все-таки не выпивали всю кровь, как теперь. Да и сборщики «налогов» тогда, помнится, были другие: бритоголовые, наглые, в цепях и перстнях, но все-таки свои, русские, не то что теперешние – иссиня-смуглые, плохо говорящие по-русски, высокомерные, как солдаты оккупационной армии... С этими не договоришься. Они ничего не желают слышать, ничего не хотят понимать, и единственная фраза, которую они с горем пополам заучили по-русски, – «дэнги давай». И попробуй не дать... Поборы растут, заработки падают – хоть в петлю полезай, ей-Богу...

– Хрен они меня со света сживут, – внезапно сказал Кольцов.

Зайцев вздрогнул: приятель словно прочитал его мысли.

– Если хотят, чтобы я подох, им придется самим меня прикончить. Порасковыриваю рожи к такой-то матери, и плевать мне, что один...

Зайцев похлопал его по плечу и взял с полки насос.

– Не один, – сказал он. – Если что – я с тобой! Главное, начать, а ребята в случае чего поддержат. Не у тебя одного накипело. Басурман давно грозитя ружье взять.

– Посадят дурака, – проворчал Кольцов, сноровисто закручивая гайки. – Ружье – это последнее дело. А ребра посчитать этим придуркам, наверное, не помешает. Взяли моду – машины калечить.

– Мрази, – подтвердил Зайцев. В открытую наехать боятся, пакостят по углам, как коты. И вообще...

Он замолчал, не зная, как закончить начатую фразу. Кольцов отложил в сторону баллонный ключ и с интересом уставился на приятеля снизу вверх.

– Что – вообще?

– Руки чешутся, – признался Зайцев. – Так бы и двинул кому-нибудь по чавке. Надоело, Ваня, веришь? Жмут со всех сторон, как кроликов, а мы молчим!

– Да, – вздохнул Кольцов, – есть такое дело. Каждый за свою шкуру дрожит.

– Вот я и говорю – надоело, – подхватил Зайцев. – Дрожать-то уже не за что, а все боимся...

– А-а-а, – Кольцов скривился, – все равно это один треп. Ничего у нас не выйдет, не стоит даже пытаться.

– Это мы еще посмотрим, – сказал Зайцев, начиная ритмично работать насосом, и в его голосе Кольцов услышал угрозу.

* * *

Рослый и широкоплечий человек лет тридцати пяти потянул на себя скрипучую, выкрашенную бугристой коричневой краской дверь подъезда. Провисшая дверная пружина взвывала и затрещала, звякнуло треснувшее стекло, и в нос ударила кошачья вонь. Он вошел в подъезд, и дверь позади него сразу захлопнулась со звуком, похожим на выстрел из старинной медной пушки. Он стал неторопливо подниматься по пологой лестнице, твердо ступая обутыми в поношенные кроссовки ногами и произвольными движениями стряхивая с темных и жестких, как проволока, стриженных ежиком волос капли дождевой воды.

Настроение у него было совсем нерадужным. Еще один день, заполненный бесплодными попытками найти работу, подходил к концу. Он напоминал себе динозавра, пытающегося прокормиться там, где с трудом выживают шустрые и сообразительные млекопитающие, – большого, сильного, но обреченного на вымирание динозавра. Эти мысли были навеяны усталостью, и он отлично это понимал, но сейчас, после очередного поражения, они казались ему не такими уж глупыми. Динозавры вымерли потому, что не успели измениться в соответствии с обстоятельствами, и он был близок к тому, чтобы последовать по пути, некогда проложенному древними ящерами.

Где-то наверху хлопнула дверь и послышались шаркающие шаги. Поднимавшийся по лестнице человек слегка поморщился: в последнее время ему стало тяжело встречаться с соседями. Приключившаяся с ним пару месяцев назад история наделала много шума, и многие из жильцов пятиэтажной хрущевки, в которой находилась доставшаяся ему от матери квартира, так до конца и не поверили в то, что он вовсе не скрывающийся от милиции бандит и убийца.

– Здравствуй, тетя Маша, – приветствовал он спускавшуюся навстречу пожилую женщину.

– Здравствуй, – ответила та и заторопилась дальше, бросив на него осторожный взгляд, словно опасалась, что он попытается отнять у нее кошелек. Раньше она сказала бы: «Здравствуй, Юрик» – и непременно остановилась бы поболтать и поинтересовалась бы, как дела. Он вырос у нее на глазах, и то, как она теперь сторонилась его, было обиднее всего. Юрий Филатов невесело усмехнулся, потер шрам на лбу и, шагая через две ступеньки, поднялся к себе на третий этаж.

Дверь, которая вела в его квартиру, носила следы торопливого и не слишком успешного ремонта. Вставляя ключ в замочную скважину, Юрий подумал, что после того, как дверь была высажена опергруппой, ее следовало бы сменить. Произведенный с помощью гвоздей и столярного клея ремонт был чисто косметическим, так что теперь дверь мог без усилий выломать и двенадцатилетний ребенок. На косяке, чуть повыше того места, где из него была выломана длинная щепка, еще сохранились следы пластилиновой печати. Юрий попытался соскрести пластилин, но только размазал его по масляной краске, испачкав палец.

Замок тоже пострадал от вторжения. Вернувшись из больницы, Юрий перебрал его по винтику и заставил работать, но теперь старый, подвергшийся насилию механизм время от времени принимался капризничать, ни в какую не желая открываться. Юрий терпеливо вертел ключом в скважине, изо всех сил подавляя в себе желание садануть по двери ногой. Ему уже довелось на собственном горьком опыте убедиться в том, что насилие – самый быстрый, но далеко не самый лучший способ решения проблем. Главная беда Юрия Филатова как раз и состояла в том, что он, бывший офицер-десантник, был обучен решать проблемы именно таким способом.

Замок наконец уступил его усилиям. Механизм сработал со знакомым мелодичным щелчком, который сопровождался едва различимым звоном тугой пружины. Дверь распахнулась. Юрий шагнул в прихожую и замер на пороге, не сразу сообразив, что заставило его остановиться и настороженно прислушаться.

Через мгновение он понял, что это было: в квартире пахло чужими сигаретами. За время, прошедшее с тех пор, как старший лейтенант Филатов вернулся с войны, квартира успела основательно провонять табачным дымом, но этот запах был другим, более резким и в то же время гораздо более тонким. Он наводил на мысли о турецком или даже кубинском табаке, которого Юрий не пробовал уже очень давно. Это могло означать только одно: в квартире был посторонний.

Юрий осторожно прикрыл за собой дверь. Если в его жилище действительно кто-то проник, этот человек, несомненно, слышал, как он ковырялся в замке. Конечно, взломщик мог давным-давно уйти, но, если он все еще был здесь, надо соблюдать осторожность. Благословенные времена, когда честные домушники считали для себя зазорным мараться о мокрые дела, остались только на страницах старых детективных романов. Человек, забравшийся в чужую квартиру, чтобы украсть древний ламповый телевизор, запросто мог проломить голову вернувшемуся хозяину. Юрий мрачно улыбнулся: ему вдруг очень захотелось, чтобы кто-то попытался проломить ему голову. Тогда, по крайней мере, можно будет не сдерживать глухое раздражение и дать волю кулакам.

Поймав себя на этих кровожадных мыслях, он осуждающе покачал головой. С такими наклонностями ему прямая дорога в ОМОН или какой-нибудь СОБР. Но такая карьера его не прельщала.

Он резко распахнул дверь совмещенного санузла. Здесь было пусто. Сквозь прорезанное в противоположной стене прямоугольное окошко, которое вело на кухню, сочился сумрачный свет. На выкрашенном облупившейся масляной краской чугунном змеевике сохли три пары носков, на протянутой над ванной бельевой веревке висело старое махровое полотенце. На крышке древней стиральной машины марки «Рига» лежали начатая пачка сигарет, спичечный коробок и детектив в бумажной обложке. На зеркальной полочке над раковиной стоял стакан с одинокой зубной щеткой, рядом лежала безопасная бритва. Из прохудившегося крана тонкой струйкой бежала холодная вода. Когда Юрий открыл дверь, из раковины зигзагом метнулся перепуганный рыжий таракан. Он был похож на попавшего под перекрестный автоматный огонь бывалого пехотинца и с завидным проворством скрылся из вида. Больше здесь никого не было, если не считать притаившегося в углу возле вентиляционной отдушины паука, с которым Юрий поддерживал добрососедские отношения.

Филатов вышел из ванной и остановился перед открытой застекленной дверью, которая вела в единственную комнату. Запах чужих сигарет здесь был сильнее, и Юрию показалось, что он улавливает в тишине чье-то осторожное дыхание.

– Быстро выходи! – громко сказал он. – Пока я тебе шею не свернул.

– Орел, что ли? – послышалось в ответ. Голос был незнакомый, и Юрий невольно вздрогнул. Он ожидал тишины или, на худой конец, пистолетного выстрела, но только не такого ленивого, полупрезрительного ответа. Он почувствовал, что начинает злиться. – Заходи, чего ты там стоишь? – продолжал голос. – Не бойся, я не по твою душу. Просто побазарить надо. Только давай, того... без глупостей. У меня ствол. Будешь дрыгаться – понаделаю в тебе дырок.

– А вот я сейчас выйду отсюда, – сказал Юрий, благоразумно оставаясь в прихожей, – зайду к соседке и позвоню в милицию.

– Валяй, – разрешил голос.

– Как знаешь, – сказал Юрий и распахнул входную дверь.

За дверью стояли двое. Они стояли боком к Юрию, сосредоточенно курили и, казалось, о чем-то беседовали вполголоса. Один из них держал руки в карманах, а другой скрестил их на груди, и Юрий заметил, что из-под мышки у него выглядывает ствол пистолета. Ни один из них даже не повернулся на звук открывшейся двери, но торчавшее из-под локтя черное пистолетное дуло нацелилось Юрию прямо в живот. Для того чтобы промахнуться на таком расстоянии, нужны были особые способности, и Юрий молча прикрыл дверь, аккуратно заперев ее на замок. Оставшиеся на площадке курильщики не возражали.

Стоя в полутемной прихожей, Юрий вздохнул. Чего-нибудь в этом роде он ожидал с того самого дня, как выписался из больницы, но от этого визит незваных гостей не стал более приятным. Он с грустью подумал о привезенном из Грозного «маузере», который сейчас пылился в каком-нибудь милицеевском сейфе, завернутый в полиэтилен с привязанной к рукоятке бирочкой, – бесполезное вещественное доказательство по делу о насильственной смерти уголовного авторитета по кличке Граф. Здесь и сейчас пистолет принес бы гораздо больше пользы человечеству, чем на полке несгораемого шкафа. Юрий снова вздохнул, опустил правую руку в карман, зажал в кулаке связку ключей и шагнул в комнату.

Гость сидел в старом продавленном кресле, которое Юрий до сих пор называл маминым. Незнакомец курил, забросив ногу на ногу. Он был лет на пять старше Юрия и щеголял в черном длиннополом пальто, которое сейчас было распахнуто настежь. Из-под пальто виднелись белый шарф, безупречный деловой костюм, ослепительная рубашка и строгий галстук. Его кожаные туфли стояли, наверное, не дешевле подержанного автомобиля, ногти больших, истинно мужских рук были тщательно ухожены и, кажется, даже наманикюрены, но выражение тяжелого, малоподвижного лица сразу выдавало в нем шестерку. Если это был милиционер, то чин его вряд ли был выше капитана. «А одет, как генерал, – подумал Юрий. – Даже как министр. Никакой это не милиционер, вот что. Скорее уж наоборот».

– Какого черта тебе надо? – спросил он.

– Не груби, Инкассатор, – лениво отозвался гость, не выпуская изо рта сигареты. Он неторопливо поставил на предохранитель и убрал во внутренний карман пальто большой вороненый пистолет, издали похожий на армейский «кольт». То, что незнакомец назвал его Инкассатором, настораживало: до сих пор Юрий был уверен, что на свете не осталось никого, кто мог бы его так называть. – У нас к тебе дело.

– Если я тебя правильно понял, – начал Юрий, – то никаких дел у меня ни с тобой, ни с твоими хозяевами быть не может.

– А кто я, по-твоему, такой? – стряхивая пепел с сигареты в открытый рот синей фарфоровой рыбы, которая служила пепельницей сначала отцу Юрия, а потом ему самому, поинтересовался незнакомец.

– Ты? Двуногий прямоходящий, – ответил Юрий. – Этому виду несвойственна способность летать, а здесь как-никак третий этаж, так что лучше тебе выйти через дверь и воспользоваться лестницей. И еще, – он немного повысил голос, потому что незнакомец открыл рот, собираясь что-то сказать, – если ты попытаешься снова достать пистолет, я засуну его тебе в... И не обижайся, если при этом я случайно нажму на курок.

Незнакомец ухмыльнулся и снова полез во внутренний карман пальто. Юрий быстро шагнул к креслу, но гость предостерегающе выставил вперед левую руку и медленно вытащил правую из кармана. В ней оказалась толстая пачка стодолларовых купюр.

– Мне просто велели тебе кое-что передать, – сказал он и небрежно бросил пачку на стол. – Это твое.

– Что это?

Гость пожал плечами:

– Ты что, слепой? Это деньги. Десять тысяч баксов, если быть точным. Бери, бери, не стесняйся. Ты их заработал.

– Как же это я ухитрился? – спросил Юрий, не трогаясь с места. На деньги он даже не взглянул.

– Не скромничай, Инкассатор, – сказал гость. – Если бы не ты, плакали бы наши четыре с половиной миллиона.

– Ваши?! – удивился Юрий. – Я думал, что эти деньги принадлежали Графу. А Графа я...

– Вот чудак! – Гость неожиданно расхохотался, продемонстрировав фарфоровую челюсть. – Граф эти бабки просто хранил, понимаешь? И хранил не очень хорошо. Поговаривают, что он с ними слинять хотел... В общем, ты хорошее дело сделал, Инкассатор, когда вернул деньги в банк. Мы уже и не надеялись. Да и Граф в последнее время что-то часто начал против братвы переть. В общем, его все равно надо было сделать, так что и тут ты нам услужил. Конечно, за такую работу десять кусков – не плата. Но это только аванс. Если договоримся, будешь получать реальные бабки, понял? Тебе такие и не снились.

– А мне бабки вообще не снятся, – сказал Юрий. – Бабы – да, а бабки...

Гость снова хохотнул. Юрий на глаз прикинул расстояние до кресла и время, которое потребуется бандиту на то, чтобы выудить из-за пазухи пистолет. Он понял, что успеет допрыгнуть до противника раньше, чем тот сможет что-нибудь предпринять, и немного успокоился.

– Короче, – сказал он, – говори, зачем пришел, и проваливай. Я устал как собака, некогда мне с тобой разговаривать.

– Опять грубишь, – сказал гость. – Что я тебе сделал? Пришел к тебе, как к человеку, деньги принес, работу предлагаю, а ты гавкаешь, как лагерная овчарка. Ты пока что не мент, и я у тебя не на допросе, так что фильтруй базар, герой-парашютист, а то как бы тебе говорилку на левую сторону не своротили. Кулаками работать не один ты умеешь, учти.

– Да? – переспросил Юрий и вдруг оказался возле кресла. Его рука нащупала узел строгого галстука, сдавила его и потянула на себя. Гость захрипел, бестолково молотя руками и сясь встать. – Ну, – продолжал Юрий, сильно встряхнув незнакомца, лицо которого приобрело нездоровый фиолетовый оттенок, – что ты теперь скажешь?

Гость перестал размахивать руками и вцепился в душивший его воротник. Юрий разжал кулак, выпуская галстук, и его собеседник тяжело рухнул обратно в кресло, жадно хватая воздух широко открытым ртом.

– Ну, ты к-козел, – с трудом прохрипел он. – Предупреждали меня, что ты отморозок, а я, дурень, не поверил...

– И правда дурень, – согласился Юрий.

– Чего ты выпендриваешься? – спросил незнакомец. – Что ты из себя строишь, Рэмбо сраный? Живешь как бомж, а туда же – гордость у него... Я что, в карманники тебя подписываю? Да и какой из тебя карманник? Смех один... Ты вокруг посмотри, чурка ты уставная. На

рынках кто? Сплошные звери. Автосервис у них в кармане, таксистов к рукам прибирают... Звери нас из города выживают, и не из первого, мать его, города! Сначала из Грозного, а теперь из Москвы...

– Гм, – сказал Юрий. – А тебе, значит, как русскому человеку, обидно. Так, что ли? Ты у нас, выходит, патриот? И что ты мне предлагаешь, патриот?

– Мочить их, сук чернозадых, – сказал гость. – Мочить, чтобы не встали. Тебе ведь это не впервой, старлей, я знаю. Вспомни, сколько наших пацанов эти твари отправили землю парить. Я тут у тебя чуток осмотрелся. Фотки на стене – они ведь оттуда, зуб даю. У тебя же к ним, паскудам, особый счет...

– Ты сидишь в кресле моей мамы, – ровным бесцветным голосом сказал Юрий. – Сейчас ты встанешь из него, возьмешь свои вонючие деньги, быстренько выйдешь вон и забудешь сюда дорогу. Считаю до трех. Имей в виду, «два» я уже сказал.

– Ну, ты козел, – с неподдельным удивлением сказал гость. Рука его снова поднялась с колен и незаметно заскользила к лацкану пальто. – Ты что, совсем без мозгов? Тебе дело предлагают, а ты целку из себя строишь...

Он не договорил, потому что рука Юрия стремительно выдернула его из кресла и швырнула через всю комнату. Бандит врезался плечом в ребро застекленной двери и упал на пол. Стекло громко задребезжало, но не разбилось. Филатов взял со стола деньги и бросил вслед.

– Чтобы я тебя больше не видел, – сказал он. – Попадешься мне на глаза – сверну шею к чертовой матери.

– Пожалеешь, козел, – подбирая деньги и с трудом поднимаясь на ноги, пообещал гость.

– Дверь за собой закрой, патриот, – напутствовал его Юрий.

Глава 2

Лысый толстяк в мятом, когда-то белом халате и очках с мощными линзами в палец толщиной заглянул Копылову в зрачки, небрежно проверил рефлекс и заставил подуть в трубочку. Делая контрольный выдох, Копылов не смог сдержать блудливую ухмылку, которую всякий раз вызывала у него эта незатейливая процедура. В данный момент он был трезв как стеклышко, но тест на алкоголь всегда заставлял его чувствовать себя кем-то напоподобие преступника.

– Свободен, – проворчал толстяк, делая какую-то пометку в засаленном журнале напротив фамилии Копылова.

– Да здравствует свобода! – как всегда, ответил Копылов и вышел в облицованный грязным белым кафелем коридор.

Здесь было накурено – хоть топор вешай – и шумно. У дверей медпункта собралась небольшая очередь заступающих в ночную смену водителей, спешивших засвидетельствовать фельдшеру Степанычу свое почтение и подуть в трубочку. Все они переговаривались, рассказывали друг другу анекдоты и случаи из богатой на приключения профессиональной практики. Окунувшись в привычную атмосферу, Копылов стрельнул у кого-то сигаретку, беззлобно выматерился в ответ на замечание о том, что такой большой мальчик мог бы купить сигареты в табачном киоске, чиркнул зажигалкой и огляделся. У него было еще почти полчаса до начала смены, а в гараже его наверняка поджидал сменщик, которому он еще месяц назад задолжал десять долларов. Десятка лежала у него в кармане, так же как и пачка сигарет, но Копылов никогда не спешил расставаться со своим добром, предпочитая сначала на всю катушку попользоваться чужим. Эта особенность его характера была хорошо известна всем, с кем он общался, но ему многое прощали за веселый нрав. Кроме того, он никогда не крал и в конце концов всегда отдавал долги – для этого его нужно было всего-навсего как следует прижать. Он никогда не жалел ни сигарет, ни денег для тех, кто успевал попросить их у него. Удавалось это немногим, потому что Копылов всегда заранее угадывал в человеке просителя и просил первым.

Вокруг одновременно велось множество разговоров. Кто-то рассказывал жуткую историю о том, как его жена снюхалась с его любовницей, вступила с ней в сговор и они на пару затащили его в постель, чтобы в наказание укатать до бесчувствия, – разумеется, тщетно, поскольку рассказчик, гигант секса, сам укатал обеих до потери сознания. В этой истории не было ни слова правды, и Копылов отвернулся от рассказчика.

В хвосте очереди старый хрыч Савельич скармливал какому-то желторотику старую байку о том, что столовая ложка подсолнечного масла, принятая поверх стакана водки, начисто нейтрализует «выхлоп» и делает бессильным тест на алкоголь. «Ты бухой, понял? – втолковывал Савельич жадно внимавшему новичку. – У тебя глаза в разные стороны смотрят, а трубка ни хрена не показывает! Только анализ крови покажет, так кто с этим станет возиться... А чтобы наверняка, лучше засосать не ложку, а сразу полстакана...»

– Савельич, – окликнул его Копылов, – а ты сам-то пробовал?

Савельич неторопливо, с достоинством повернулся в его сторону.

– Что я, с ума сошел – всякую дрянь пить? – пробасил он. – Чего ты, Васька, вечно в разговор лезешь? Не хочешь – не слушай, а врать не мешай!

Он снова обернулся к новичку, но тот уже успел смыться. Савельич ухмыльнулся, покрутил головой и стал с трубным звуком продувать «беломорину». Копылов подмигнул ему и стал прокладывать себе путь к выходу, обмахиваясь сложенным вдвое путевым листом, как веером.

Гараж был тускло освещен зудевшими под потолком лампами дневного света. В их мертвенном сине-зеленом сиянии выдавшие виды таксопарковские «Волги» напоминали дорогие

заграничные лимузины. Здесь, в замкнутом пространстве бокса, они казались воплощением мощи и скорости. В гараже приятно пахло бензином, выхлопными газами и пролитым моторным маслом. В дальнем углу вспыхивало и гасло бело-голубое солнце электросварки. Там сыпались искры, трещали электрические разряды и утробно гудел сварочный аппарат. Копылов огляделся, пытаясь засечь своего напарника-кредитора, но того нигде не было видно.

Василий отправился на поиски своей машины. В гараже было по-вечернему пустовато, и он удивился, увидев невдалеке от ворот какое-то непривычное скопление людей. Подойдя поближе, он разглядел, что люди окружили одну из вернувшихся в парк машин. Среди промасленных комбинезонов слесарей мелькали чистые брюки и куртки водителей. Копылов понял, что произошло очередное ЧП, и суеверно поплевал через левое плечо: пронеси, Господи. Он считал, что увидеть перед заступлением на смену разбитую машину – очень плохая примета. В какой-то степени это было правильно: зрелище изуродованного, скомканного, как грязная промокашка, автомобиля могло надолго испортить настроение, а выезжать на сумасшедшие московские улицы в плохом настроении – значит, искать неприятностей на свою голову.

Он подошел еще ближе и увидел, что автомобиль, вокруг которого толпились люди, цел. В толпе он заметил своего сменщика, но теперь это не имело значения. Сплошная стена ног и спин вдруг заволновалась, раздалась в стороны, и на открытое пространство вышли трое. Точнее, шли своим ходом только двое, а третий висел у них на плечах, вяло перебирая ногами в испачканных голубых джинсах. Голова его безвольно свисала на грудь, с лица обильно капала густая жидкость, казавшаяся в мертвенном свете ртутных ламп черной, как сырая нефть. Копылов, которого всегда мучило от вида чужой крови, поспешно отвернулся, но все же узнал в раненом Игоря Турусова, с которым находился в полуприятельских отношениях. Это меняло дело, и Копылов со всех ног бросился к приятелю.

– Игореха! – крикнул он. – Чего случилось?

Его оттолкнули в сторону.

– Не лезь, – сказал кто-то. – Видишь, человеку пачек накидали.

– Кто? – возмущенно вскинулся Копылов. – Кто, блин?!

– Не говорит, – ответил ему тот же голос. – В толк не возьму, как он вообще до гаража доехал!

Турусов вдруг затормозил, упершись ногами в бетон, и поднял залитое кровью лицо. Кровавая маска медленно повернулась справа налево, обводя глазами столпившихся вокруг людей. Голова Турусова бессильно покачивалась на шее, глаза мучительно шурились, вглядываясь в лица, и наконец отыскали Копылова. Когда этот тусклый, наполовину бессмысленный взгляд уперся в его лицо, Копылов невольно вздрогнул и отшатнулся, словно его сильно толкнули в лоб ладонью.

– Васек, – прохрипел Турусов. – А мне... видал, какой макияж сделали?

– Кто, Игореха? – настойчиво повторил Копылов. – Какая сука?..

– Двое, – невнятно пробормотал Турусов. – Частники... Старая «Омега» и «девятка»... красная, как морковка. В Быково часто... пасется. Такая... с длинной антенной... В Быково... Монтировкой...

Его голова бессильно упала на грудь. На несколько секунд воцарилась тишина – все ждали, не скажет ли он чего-нибудь еще. Турусов молчал, и двое слесарей, которые поддерживали его в вертикальном положении, спохватившись, поволокли его в сторону медпункта.

– Будет Степанычу работа, – сказал кто-то.

– А что ему, хряку старому, – отозвался другой голос. – Позвонит в «скорую», вот и вся работа.

Копылов огляделся по сторонам. Люди начали расходиться, вполголоса обсуждая происшествие.

– Монтировкой, – повторил Копылов. – Монтировкой...

Он бросился к своей машине, комкая в кулаке путевой лист. «Васька, стой! Не дури!» – крикнули сзади, но он даже не обернулся. Взревел двигатель трехлетней «Волги», взвизгнули покрышки на бетонном полу, оставив на нем два черных следа, и яично-желтый автомобиль с шашечками на борту, подпрыгнув на пороге, пулей выскочил из гаража.

– Ох, наделает Васька делов, – сказал подоспевший Савельич, глядя вслед ушедшей в дождливую ночь «Волге». – Надо бы диспетчеру сказать, что ли. А еще лучше – начальнику смены.

– Я тебе скажу, старый козел, – вмешался в разговор угрюмый, вечно небритый водитель по кличке Бармалей. – Он настоящий мужик, понял? Он все правильно делает. Этих сучар учить надо. Где это видано, чтобы таксисты за своих не заступились? Совесть имей, Савельич. Ты же старый водила, пример должен показывать. Что будет, если мы, чуть что, к начальству бегать станем? Где, он сказал, его прихватили – в Быково? А ну, мужики, кто со мной?

Пристыженный Савельич отошел в сторону, невразумительно бормоча что-то об оставшихся до пенсии четырех месяцах. Бармалей решительно направился к своей машине. Несколько человек после недолгого колебания двинулись за ним. Через несколько минут небольшая кавалькада таксопарковских «Волг», рассекая фарами темноту, устремилась в сторону Быково. Они пытались вести переговоры по радио, но ушедший далеко вперед Копылов резко оборвал их, напомнив, что радио может слушать любой дурак, у которого хватило ума обзавестись приемником. После этого они двигались в полной тишине, игнорируя голосовавших у обочин пассажиров и распугивая резкими гудками клаксонов маячивших вдоль дороги проституток.

Копылова они так и не догнали, а через некоторое время радио донесло до них единственное слово: «Нашел!»

– Везучий, черт, – пробормотал возглавлявший колонну Бармалей и еще немного увеличил скорость.

Вскоре на обочине дороги сверкнули рубиновым светом задние габаритные огни, и фары Бармалеевой машины выхватили из темноты обтекаемый багажник яично-желтой «Волги». Перед «Волгой» на обочине стояла красная «девятка» с распахнутой настежь передней дверцей и длинной антенной, блестящей в свете фар, как серебряная игла. Бармалей надавил на педаль тормоза и свернул на обочину, припарковавшись позади машины Копылова. Фары осветили пустой салон «Волги». Спустя секунду из придорожных кустов, треща ветками и слегка пошатываясь, словно пьяный, появился Копылов. В его опущенной руке тяжело покачивалась монтировка. Бармалею показалось, что стальной прут монтировки мокро поблескивает в режущем свете фар.

– Везучий, чертяка, – повторил он, и тут Копылов остановился, низко наклонился, разведя в стороны руки, и его внезапно вырвало прямо на дорогу.

* * *

К полудню следующих суток Ивану Кольцову удалось смириться с потерей потраченных на новенькую резину трехсот долларов. В конце концов, рассуждал он, жизнь, с долларами или без оных, должна продолжаться. Мерзавца, проколовшего охотничьим ножом недавно купленные колеса, конечно же, не найдешь, и что толку впустую изводить себя мечтами о мести, которой не суждено состояться? Не затевать же, в самом деле, войну с таксистами! И без войны хлопот полон рот. Нужно работать, кормить семью, а тех, кто заслуживает наказания, покарает если не милиция, то Господь Бог. А мы как-нибудь продержимся эту зиму и на старой резине. Техосмотр только через год, а за это время можно заработать на новые покрышки. Таксистов ведь тоже можно понять, хотя резать колеса – последнее дело. У таксистов хлеб нелегкий, и, когда кто-то пытается отщипнуть кусочек от их каравая, они, конечно же, начинают нервни-

чать. Ну а нам-то куда деваться? Нам ведь деньги тоже не с неба сыплются. И на рынок за новыми покрывками мы идем не с государственным кошельком, а со своим собственным...

Он высадил свою пассажирку, деловитую и очень разговорчивую старуху, кутившую «Казбек» и со знанием дела костерившую президента, возле метро «Войковская» и решил немного постоять здесь в надежде, что еще подвернется клиент. Место здесь было бойкое, последний государственный таксомотор, взяв пассажира, уехал со стоянки на глазах у Кольцова, и Иван решил, что долго ждать ему не придется. Он опустил стекло со своей стороны, чтобы выветрилась оставшаяся после разговорчивой старухи папиросная вонь, закурил свой неизменный «Кент», немного покрутил радио, но в конце концов махнул рукой и скормил магнитоле кассету с песнями Михаила Крута. Ему нравилась лагерная лирика, и Кольцов считал это лишним подтверждением того, что он – истинно русский человек. Как известно, от суммы да от тюрьмы зарекаться не стоит, и лагерная романтика, похоже, сидит у русского человека в крови.

Спустя десять минут седока все еще не было, зато на стоянку, тускло поблескивая рябыми от шпатлевки бортами, вкатился латаный-перелатаный «Опель» Зайцева. Кольцов улыбнулся и не спеша вылез из машины. Дождик, слава Богу, прекратился, но, судя по низким серым тучам, намертво зависшим над городом, это было ненадолго.

Зайцев заглушил двигатель и тоже выбрался на мокрый асфальт стоянки, разминая затекшие ноги. Они обменялись рукопожатием. С нижней губы Зайцева свисал потухший окурочек сигареты, а его похожее на печеное яблоко лицо сегодня имело нездоровый сероватый оттенок. Кольцов подумал, что виной этому сумеречное освещение, и с внезапной грустью ощутил, что совсем скоро опять наступит зима.

– Зимой пахнет, – сказал он. – Чувствуешь?

– Ну, это ты, брат, загнул, – откликнулся Зайцев. – Всего-то октябрь на дворе. Кстати, какой черт тебя сюда занес? Я его с утра по всему городу ищу, бензин жгу, а он на Войковской прохлаждается!

– А где я должен прохлаждаться? – поинтересовался Кольцов. – На Кольцевой?

– В Быково! – торжественно провозгласил Зайцев. – Где же еще?

– Нет, брат, – возразил Кольцов, – еще один комплект резины я, пожалуй, не потяну.

– Во-первых, если надо будет, потянешь как миленький, – проворчал Зайцев. – А во-вторых, ты что же, так все и оставишь? Тебя пугнули, а ты и свалил?

– А что я должен делать? – немного агрессивно спросил Кольцов. – Одолжить у Басурмана ружье и перестрелять всех таксистов в Москве? Это Голливуд, братец, причем самого низкого пошиба. В жизни так не бывает!

– Правильно, – сварливым тоном сказал Зайцев. – Тебе в рожу харкнули, а ты и утерся. Подставь другую щеку... Вчера тебе в Быково колеса порезали, сегодня на Войковской фару конкут... Куда завтра поедешь, Ваня?

– Слушай, – разозлился Кольцов, – чего ты от меня хочешь?

– Уважать я тебя хочу, Ваня, – ответил Зайцев. – А еще хочу, чтобы нам с тобой кто попало кислород не перекрывал. Эту суку, которая тебе колеса порезала, надо изловить. Вот послушай, что я придумал...

– Эй, отцы, до Белорусского подбросите? – окликнул их подошедший юнец с курчавой порослью на щеках.

Кольцов встрепенулся, но Зайцев только нетерпеливо отмахнулся.

– Тут пешком два шага, – проворчал он. – Прогуляйся, сынок.

– Ну, как знаете, – сказал юнец и замахал рукой подъехавшей яично-желтой «Волге» с шашечками на борту. Зайцев свирепо покосился в ту сторону, но ничего не сказал по этому поводу.

– Значит, так, – продолжал он так, словно его никто не прерывал. – Сейчас едем в Быково, калымим там весь день. Все-таки аэропорт, место хлебное. Стараемся не разлучаться, а если что – встречаемся опять в Быково. Пока мы оба на стоянке, один куда-нибудь уходит, а другой следит за его машиной. Этот гад наверняка там промышляет. Он же охренеет, когда опять тебя увидит. Я бы на его месте не удержался. А как только он подойдет к машине – к твоей или моей, – мы его прихватим и так отделаем, что мать родная не узнает.

– На живца, значит? – с иронией уточнил Кольцов.

– Вот именно, на живца. Думаешь, не поймает? Поймаем!

– Н-ну... – нерешительно начал Кольцов, но Зайцев схватил его за рукав и толкнул к машине.

– Давай, давай. На месте будешь сомневаться. А только поверь мне, Ваня: когда ты увидишь, как этот гад с ножом в руке к твоей тачке подбирается, все твои сомнения как рукой снимет. Сам не заметишь, как башку ему отобьешь.

Весь день они действовали по предложенному Зайцевым плану, сделав за это время по несколько ездов в разные концы Москвы. Оказываясь в битком набитом потенциальными пассажирами Центре, Кольцов испытывал сильнейшее искушение махнуть рукой на эту безнадежную затею. Но, снова зарулив на стоянку возле здания аэропорта, он неизменно обнаруживал там рябой «Опель» Зайцева. Бросать товарища не хотелось, и, кроме того, Кольцов немного побаивался, что Николай, оставшись один, наделает глупостей. Несмотря на ничем не выделяющуюся внешность, Зайцев обладал весьма горячим темпераментом и при всяком случае лез в драку, не считаясь с такими мелочами, как преимущество противника в численности, силе и живом весе.

Они парковались в разных концах стоянки, и один из них надолго уходил в здание аэропорта, занимая позицию у стеклянной стены, через которую стоянка просматривалась как на ладони. Второй в это время сидел за рулем своего автомобиля, курил и слушал музыку, зорко посматривая по сторонам. За целый день никто так и не попытался подобраться к их машинам, хотя и Кольцов, и Зайцев не раз ловили на себе неприязненные взгляды таксистов. Владевшее Кольцовым желание наплевать на эту вендетту усиливалось с каждым часом, и его удерживало лишь то обстоятельство, что место здесь и вправду было бойкое, пассажиры шли один за другим и лежавший во внутреннем кармане куртки бумажник становился с каждым часом толще.

Около пяти часов вечера они сделали перерыв на обед. Сидя за столиком в кафе и с аппетитом поедая тушеное мясо, Кольцов попытался завести разговор о том, что пора бы бросить эту безнадежную затею. Ему немедленно пришлось убедиться в том, что Зайцев не только не остыл за время неудачной охоты, но, наоборот, распалился еще больше. Его глаза, напоминавшие две червоточины на провисевшем всю зиму на ветке яблоке, превратились в две узкие, почти неразличимые щелки, усы воинственно топорщились, а вздернутый нос, казалось, задрался еще больше.

– Как хочешь, – бросил он скрипучим голосом. – Дело, конечно, твое. Катись домой к своей Вальке, попроси у нее титю. Когда тебя через неделю или через месяц трахнут прямо на стоянке, я тебя жалеть не стану, ты уж извини. Ты сам на это напрашиваешься.

– Да что ты так развоевался? – спросил Кольцов. – Можно подумать, это тебе колеса порезали, а не мне!

– Кретин, – ответил Зайцев. – При чем тут колеса? Просто я не люблю, когда у моей семьи вырывают изо рта кусок хлеба. Я – кормилец, и ты, между прочим, тоже, и от этой обязанности нас никто не освобождал. Конечно, этим умникам на «Волгах» станет проще жить, если они совсем вытеснят нас с улиц. Но мы должны заботиться о своей семье, а не о них, понял?

Кольцов вздохнул и промолчал, а через сорок минут он уже бродил по залу ожидания в аэропорту, посматривая через огромное окно на освещенную ртутными фонарями стоянку такси. Отсюда ему была отлично видна его красная «девятка» с черными стойками и длинной

антенной. Ее похожий на зубило капот и крыша мокро поблескивали в свете ртутных ламп. Поодаль устало прижался к обочине напоминающий загнанную лошадь «Опель» Зайцева. За его темным лобовым стеклом ритмично вспыхивал оранжевый огонек сигареты. На стоянке мокли еще два или три частника и около десятка государственных такси. Кольцов в который раз подумал, что вся эта затея похожа на безумие. Даже если им удастся заметить, как кто-нибудь из таксистов попытается повредить их машину, они вряд ли сумеют отыгаться на злоумышленнике. На стороне таксистов большой численный перевес и традиционная корпоративная солидарность: увидев, что одного из них бьют, они непременно бросятся на выручку.

Кольцов отлучился в буфет, чтобы попить кофе. Он был за рулем уже около десяти часов и смертельно устал.левой стороной груди он чувствовал раздувшийся от купюр бумажник. День выдался на редкость удачным, словно в компенсацию за вчерашние неприятности. Осторожно держа двумя пальцами неудобный пластиковый стаканчик с горячим кофе, Кольцов вернулся к окну. Сделав первый глоток, он посмотрел вниз и сразу увидел желтую «Волгу», медленно зарулившую на стоянку и притормозившую напротив его «девятки».

Кольцов насторожился и замер, не донеся до губ стаканчик с обжигающим напитком. Он весь превратился в зрение.

Передняя дверь «Волги» приоткрылась, и из нее осторожно выбрался водитель. Это был невысокий тип в кожаной куртке и кожаной кепке с длинным козырьком. Из-за козырька Кольцов не смог разглядеть его лицо, но он в этом и не нуждался. Гораздо интереснее была длинная отвертка, зажатая в кулаке таксиста. Кольцов осторожно поставил стаканчик с кофе на подоконник и медленно, как во сне, двинулся вдоль огромного окна, направляясь к лестнице, которая вела на первый этаж. Внезапно им овладели охотничий азарт и холодная ярость. Мерзавец в кожанке собирался изуродовать его машину – иначе зачем ему могла понадобиться отвертка?

Кольцов понял, что может не успеть, и стремглав бросился к выходу, едва не сбив с ног какую-то толстую тетку. Он быстро пересек вестибюль, с разбега протолкнулся через тугие стеклянные двери и выскочил под морозящий дождь.

Краем глаза он заметил, что государственные таксисты, собравшись в одной из машин и включив в салоне свет, увлеченно режут в карты. «Хорошо», – мимоходом подумал он, со всех ног бросаясь к своей «девятке».

Возле его машины стояли двое. Зайцев держал таксиста за руку, в которой была зажата отвертка, и что-то негромко, с большим напором втолковывал ему, толкая его в грудь свободной рукой. Таксист слабо отпихивался, вертя головой во все стороны. Видимо, он ждал помощи от коллег, но те, увлекшись игрой, ничего не замечали.

Увидев бегущего к машине Кольцова, таксист резко рванулся, неожиданно ударил Зайцева коленом в пах и бросился к своей «Волге». Когда Кольцов добежал до места происшествия, «Волга» уже тронулась с места, круто развернулась и устремилась прочь со стоянки, направляясь в сторону города.

– За ним! – простонал Зайцев. – Попался, гад!

Он торопливо заковылял к своему «Опелю», держась обеими руками за ушибленное место. Кольцов прыгнул за руль, мимоходом подумав, что теперь таксисту не сдобровать.

Они настигли «Волгу» в нескольких километрах от Кольцевой, взяли ее в «коробочку» и, прижав к обочине, заставили остановиться. Понятливый таксист не стал дожидаться. Выскочив из машины, он бросился бежать куда-то в поле. Кольцов и Зайцев побежали следом, и Кольцов с легким испугом заметил в руке у приятеля увесистую монтировку.

Зайцев несся вперед огромными прыжками, как самый настоящий заяц, и вскоре настиг беглеца. В тусклом свете далеких фонарей Кольцов увидел, как взметнулась кверху монтировка, и в следующее мгновение таксист, тонко вскрикнув, упал в мокрую жухлую траву. Монтировка раз за разом взлетала к затянутому тучами темному небу, с глухим стуком опускаясь

на обтянутую мокрой кожаной курткой спину и скрещенные в попытке защитить голову руки. Таксист кричал. Встать на ноги он даже не пытался, а может быть, уже не мог. «Убьет», – испуганно подумал Кольцов и схватил приятеля за занесенную для очередного удара руку.

Зайцев оглянулся на него дико выпученными глазами, рванулся, пытаясь освободиться, и сильно пнул таксиста в лицо. Кольцов, кряхтя от натуги, оттащил его на пару шагов в сторону.

– Хватит, – сказал он. – Слышишь, Коля? Хватит! Ты ж убьешь его!

– Ну, может, и хватит, – тяжело дыша, ответил Зайцев. Он понемногу отходил, рука с монтировкой опустилась, и оскаленные, желтые от никотина зубы медленно спрятались под нависающими усами. – Не хочешь разок приложиться?

– Будет с него, – сказал Кольцов. Он вдруг понял, что хочет только одного: побыстрее убежать от этого места.

Они расстались недалеко от Трех Вокзалов. Удовлетворенный, успокоившийся Зайцев подобрал пассажира и уехал, на прощание махнув Кольцову рукой. Кольцов выкурил сигарету, сидя за рулем неподвижно стоящей у бровки тротуара машины и думая о том, что все сложилось не так уж плохо. Таксист получил по заслугам, и денек выдался на редкость прибыльный...

Подумав о прибыли, он ощутил все усиливающееся беспокойство. Что-то было не так, чего-то не хватало – чего-то привычного и очень важного. Не успев додумать эту мысль до конца, Кольцов испуганно схватился за левую сторону груди и обмер.

Бумажника во внутреннем кармане куртки не было.

Кольцов не стал теряться в догадках. Все было предельно ясно. Ему вспомнился бешеный бег по раскисшей от дождя земле, прыжки через рытвины, возня с рвущимся добить таксиста Зайцевым... Бумажник просто выпал из кармана распахнутой настежь куртки и теперь лежал где-то в осенней траве, медленно разбухая от дождевой воды и поджидая прохожего, который его подберет.

Кольцов ударил кулаком по ободу рулевого колеса. Идти не хотелось, но и не вернуться нельзя. Как сказать жене, что потерял бумажник с дневной выручкой? Да она и не поверит, если уж на то пошло. Кроме того, в бумажнике остались права и документы на машину. Потеря этих бумажек сама по себе была весьма неприятна, а если вспомнить, при каких обстоятельствах они выпали из кармана, возникала мысль о довольно длительном сроке заключения. Хорошо, если таксист очухался и нашел в себе силы уползти. Вряд ли у него хватит ума заявить в милицию. Ну а если он так и остался лежать в поле, в сотне метров от брошенной на шоссе машины? Утром его найдут, а рядом с ним найдут бумажник с документами на имя Ивана Кольцова...

Кольцов pokrыл трехэтажным матом таксистов, ночь, свою незавидную судьбу, Зайцева и даже погоду. Он запустил двигатель, резко развернулся посреди улицы и на предельной скорости погнался машину в сторону аэропорта.

Место стычки он отыскал без труда. На обочине возвышался огромный щит с рекламой какой-то турецкой авиакомпании. Кольцов достал из багажника мощный туристский фонарь на шести батарейках, засветил его и почти сразу нашел на мокрой обочине следы протекторов и отпечатки ботинок. Начало поисков было успешным, и он наполовину поверил в удачу. Водя фонариком из стороны в сторону, он шел по хорошо заметному следу, который был обозначен спутанными, вырванными с корнем прядями жухлой травы и плоскими ошметками грязи, летевшей с подошв. На пятой минуте поисков он увидел в траве свой кожаный бумажник, на котором поблескивали капли дождя. Он жадно схватил свое потерянное сокровище, открыл его и заглянул вовнутрь.

И деньги, и документы были на месте. Они даже не успели как следует намочнуть. Кольцов снова выругался, но на этот раз в его голосе звучала неподдельная радость.

Облегчение было так велико, что он не обратил внимания на рокот двигателя и шорох шин затормозившей неподалеку машины. Только прозвучавший над самым ухом голос заставил его вздрогнуть и вернуться к действительности.

– Попался, гадюка, – сказал голос, и на затылок Кольцова со страшной силой обрушилось мокрое железо.

Монтировка, которой Копылов ударил Кольцова, была тяжелее той, которой Зайцев обрабатывал Турусова, да и удар пришелся не по спине, а по основанию черепа. После первого удара Кольцов сразу же потерял сознание, а между третьим и четвертым умер, так и не успев по-настоящему испугаться или хотя бы сообразить, что произошло.

Сообщение о его смерти прозвучало в утреннем выпуске телевизионных новостей, начисто отбив аппетит Николаю Зайцеву, который только что сел завтракать. Зайцев перевернул чашку с кофе и так запустил бутербродом в стену, что на обоях навсегда остался жирный отпечаток, похожий на кляксу.

Через полчаса Зайцев уже был у себя в гараже, а ближе к полудню в сторону аэропорта Быково двинулась колонна разномастных автомобилей, в которой было не менее двух десятков машин.

Глава 3

Юрий Филатов открыл глаза и первым делом взял с тумбочки часы. В комнате было еще темно, и светящиеся стрелки стареньких «командирских» поделили циферблат ровно пополам, вытянувшись в одну вертикальную линию. Было ровно шесть утра, и Юрий невольно подумал, сколько еще лет он будет просыпаться ровно в шесть, не прибегая к помощи будильника.

Никакой причины вскакивать с постели в такую рань у Юрия не было. Он не рисковал опоздать на работу, его не ждали никакие неотложные дела. Его вообще никто и нигде не ждал, и в этот глухой предрассветный час, когда семьдесят процентов москвичей, ворча, зевая и потягиваясь, бредут сначала в туалет, а потом на кухню, чтобы привести себя в более или менее осмысленное состояние с помощью лошадиной дозы кофе, старший лейтенант запаса Юрий Филатов вдруг ощутил себя никчемным и жалким, как валяющийся на обочине шоссе пакетик из-под картофельных чипсов. Он потратил несколько секунд на обдумывание этого сравнения, после чего резко отбросил одеяло и спустил босые ноги на ледяной дощатый пол.

Было двенадцатое октября, и до официального начала отопительного сезона оставалось три дня. В течение последнего месяца большинство московских квартир медленно, но верно превращались в подобия сырых и промозглых бетонных склепов, обитатели которых не расставались с теплыми свитерами и клетчатými шерстяными пледами. Почти во всех кухнях круглосуточно горел газ, в гостиных и спальнях отчаянно воняло паленым и вялым теплом электрообогревателей всех мыслимых типов и конструкций. Был разгар межсезонья – время, когда хозяйки проклинают коммунальные службы и рьяно утепляют окна, когда сырые холодные простыни напрочь отбивают всякую охоту заниматься сексом, а потребление спиртных напитков на душу населения возрастает в геометрической прогрессии. Нет ничего хуже, чем искать работу в такую погоду, понял Юрий Филатов и решительно встал, окончательно отбросив в сторону одеяло.

Он быстро заправил постель и в течение получаса приседал и отжимался от пола, приводя организм в рабочее состояние. Когда количество отжиманий перевалило за сотню, Юрий вдруг подумал, что ему не приходилось встречать ничего более нелепого, чем безработный, тщательно поддерживающий себя в хорошей физической форме.

Закончив зарядку, он принял контрастный душ, натянул старенький тренировочный костюм и отправился на кухню. Для завершения утреннего ритуала следовало выпить чаю.

На полпути он вспомнил, что заварка кончилась вчера вечером, и остановился, задумчиво теребя кончик носа. Если быть откровенным, то кончилась у него не только заварка. Из продуктов в доме оставалось только полпачки серых, как шифер, макарон и немного соли. Сигарет, которые он всегда предусмотрительно покупал про запас, осталось полторы пачки, а денег не было вовсе, если не считать завалившейся в карманах мелочи.

– Дошел, – сказал он вслух и вдруг рассмеялся. Ему вспомнился визит «патриота» в кашемировом пальто и десять тысяч долларов, которые он отказался принять. По сравнению с тем, чем он располагал на данный момент, эта сумма казалась астрономической. В ситуации не было ничего смешного. Ведь теперь, помимо финансовой катастрофы, над Юрием нависла угроза конфликта с «братвой».

Поскольку чаепитие без заварки и сахара было невозможно, он натянул джинсы, свитер с растянутым горлом, вогнал ноги в разношенные кроссовки, набросил на плечи свою мешковатую куртку и вышел из квартиры. Спускаясь по лестнице, он запустил руки в карманы куртки и нащупал в правом кармане пачку сигарет и зажигалку, а в левом – ключ от машины. Ключ был скорее данью традиции, чем необходимостью, – его старенькую «Победу» можно было без труда завести с помощью обыкновенной отвертки.

В последние три недели события развивались в таком направлении, что Юрий начал всерьез сомневаться в своей способности найти хоть какую-нибудь работу. В поведении кадровиков и начальников, с которыми ему приходилось разговаривать, Юрию чудилось что-то странное и даже злое: поначалу они распахивали объятия навстречу человеку, согласному взяться за не слишком престижную и не очень хорошо оплачиваемую работу, но, когда дело доходило до анкеты, внезапно увядали, и через несколько минут уклончивого, невразумительного разговора выяснялось, что рабочих мест на их предприятии нет – буквально вчера были, а вот сегодня, к сожалению, уже нет. Юрию с большим трудом удавалось сохранять спокойствие во время этих разговоров. Создавалось впечатление, что его имя занесено в некий таинственный черный список. Быть может, все до единого руководители московских фирм и предприятий питали некое странное предубеждение против бывших десантников? Ответа на этот вопрос у Юрия не было. Так или иначе, для того, чтобы продолжить поиски работы и не умереть при этом голодной смертью, требовалась хотя бы небольшая сумма денег, и Юрий решил заработать ее наиболее доступным способом.

На выходе из подъезда он разминутся с новым квартирантом из восемнадцатой квартиры. Это было ярко выраженное лицо кавказской национальности, которое всегда вежливо здоровалось с соседями. Юрий, почти год провоевавший в Чечне, ни при каких обстоятельствах не спутал бы чеченский акцент ни с каким другим. Квартирант из восемнадцатой был стопроцентным чеченцем – за это Юрий мог ручаться головой. Вел этот тип себя тихо и старался не мозолить глаза соседям. Его квартирная хозяйка баба Клава утверждала, что ее постоялец занимается бизнесом, платит аккуратно и ведет себя пристойно: никаких попок, никаких скандалов, никаких гостей и тем более уличных девиц. Мельком взглянув на темно-коричневое носатое лицо с синеватым от проступившей густой щетины подбородком, Юрий подумал, что есть еще один способ разжиться деньгами, гораздо более быстрый и эффективный, чем тот, который избрал он. Вот взять сейчас этого гордого сына гор за манишку, слегка приподнять, легонько стукнуть о стенку, немного потрясти, и можно со спокойной душой подбирать то, что из него выпадет, рассовывать по карманам и идти напрямик в ближайший кабак. Это будет очень легко, очень прибыльно, а главное – весьма патриотично.

– Здравствуйте, – вежливо сказал квартирант из восемнадцатой с отчетливым чеченским акцентом.

Юрий подумал, не встречались ли они на подступах к кирпичному заводу или в районе горбольницы. А может быть, это было на площади «Минутка»? Или этот тип сидел здесь, зарабатывая деньги, превращая их в оружие и перебрасывая караваны со стреляющим железом через линию фронта в осажденный город?

– Доброе утро, – ответил Юрий и вышел из подъезда. Кулаки лежали в карманах куртки, как два холодных камня. Он поймал себя на том, что до звона в ушах стискивает зубы, и усилием воли заставил окаменевшие мышцы расслабиться.

Квартирант из восемнадцатой вовсе не обязательно был связан с боевиками. В Москве полно кавказцев, напомнил себе Юрий, и далеко не все они – бандиты. Просто зарабатывать деньги более или менее честным путем там, в набитых вооруженными головорезами горах, стало невозможно.

Он усмехнулся, перепрыгивая через блестящую у дверей подъезда лужу. Некоторые из его бывших сослуживцев были бы очень удивлены, если бы он вздумал поделиться с ними этими мыслями. Для них каждый чеченец был врагом уже в силу своей национальной принадлежности, просто одни из них могли сражаться с оружием в руках, а другие в силу различных причин избегали открытого боя.

Под утро небо очистилось и в воздухе ощутимо пахло приближающимися морозами. Над Москвой занимался неторопливый осенний рассвет, полуоблетевшие деревья зябли в холодном утреннем тумане. Горбатая крыша принадлежавшей Юрию «Победы» казалась буг-

ристой от воды, по радужным от старости лобовым стеклам медленно сползали похожие на слезы капли конденсата. Слегка перекошенный вправо никелированный бампер скалил тронутые ржавчиной клыки, на длинном капоте красовалась белая клякса, – судя по размеру, ее оставила пролетавшая над двором ворона.

Юрий поднял похожий на пеликаний клюв капот и не спеша проверил уровень воды и масла. Поддержание этого ржавого монстра в рабочем состоянии стоило ему немалых усилий, но «Победа» нравилась Юрию. Она была основательна и надежна. Всякий раз, садясь на водительское место, Юрий боролся с ощущением, что на этой машине, как на танке, можно ездить сквозь стены. Он включил подфарники и мягко тронулся с места.

Веда неповоротливый автомобиль по запутанному лабиринту дворов и детских площадок, он поглядывал на освещенные окна, которых становилось все больше. Юрий вырос в этом районе. Вот в этом дворе они с ребятами любили играть в войну и в прятки, а вон та асфальтовая дорожка ведет прямо к школе. За десять лет он выучил на этой дорожке каждую трещинку, каждый бугорок. Половина деревьев, засыпавших своими листьями утоптанную землю и мокрый черный асфальт, выросла на его глазах из закопанных в землю тонких прутиков. А вот в этом доме когда-то жил Женька Арцыбашев по прозвищу Цыба – лучший друг Юрки Филатова по кличке Филарет, сосед по парте, вдохновитель большинства их совместных проделок, остряк и балагур. Вспомнив Цыбу, Юрий поморщился: последняя шутка веселого выдумщика Женьки Арцыбашева оказалась не совсем удачной, и на похоронах никто не смеялся.

Первый пассажир попался ему сразу же, как только Юрий выехал на улицу. Средних лет мужчина, одетый как мелкий чиновник и вооруженный старомодным кейсом, голосовал, стоя у края тротуара. Когда Юрий затормозил возле него, потенциальный седок едва заметно вздрогнул и слегка отпрянул: похоже, вид древнего автомобиля не вызывал у него доверия. Он затравленно огляделся по сторонам, бросил быстрый взгляд на часы и, решив, что деваться некуда, полез в салон.

– Дверцей хлопните посильнее, – сказал ему Юрий. – Куда поедем?

Они поехали на Казанский. Здесь стояла длинная очередь государственных такси, вокруг вертелось множество частников, и Юрий решил не пытаться заработать в этом чересчур оживленном месте. Его автомобиль был слишком слабым конкурентом для мощных «Волг» таксистов и маневренных, комфортных иномарок частников. Впрочем, Юрий не расстраивался. В кармане у него уже шуршали полученные от первого пассажира деньги. Он поздравил себя с почином и отправился колесить по Москве в поисках очередного пассажира.

Седок отыскался быстро. Они отправились в Измайлово, где Юрия сразу же перехватила крупная, хорошо одетая дама, торопившаяся в Химки. Всю дорогу дама восхищалась уютом и старомодным дизайном «Победы», но у Юрия почему-то сложилось совершенно определенное ощущение, что ее интересовал не столько автомобиль, сколько водитель. Не зная, как себя вести в такой ситуации, он отвечал односложно и хмуро, так что к концу пути дама обиженно замолчала и отвернулась к окну.

В Химках Юрий притормозил у только что открывшейся пельменной и с аппетитом позавтракал, оставив в кассе часть утренней выручки. Приканчивая третий чебурек и запивая его обжигающим, чересчур сладким чаем, он подумал, что все не так уж плохо. Под лежачий камень вода не течет, а волка, как известно, ноги кормят. Конечно, такая работа не слишком престижна, но на данный момент он мог считать себя свободным от унижительных хождений по отделам кадров и безрадостной перспективы кому-то подчиняться. Теперь ему казалось странным, что идея заняться частным извозом не пришла ему в голову раньше. Он мысленно пересчитал заработанные за пару часов деньги и решил, что жить можно. Разумеется, на новый автомобиль ему не хватит еще очень долго, но привести старушку «Победу» в божеский вид он сможет. Тем более что ремонт ей требовался в основном косметический. Поменять обивку сидений, как следует вычистить салон, покрасить и отполировать кузов... В сверкающих, похо-

жих на лаковые игрушки старых автомобилях есть своеобразный шарм, и очень многие захотят прокатиться в салоне этого музейного экспоната. Иномаркой теперь никого не удивишь. «Победа» – совсем другое дело. Тут, помимо всего прочего, будет иметь немалое значение ностальгия по безвозвратно ушедшим временам.

Юрий усмехнулся, залпом допил чай и вышел из кафе. «Победа» стояла у тротуара. Меньше всего она сейчас напоминала лакированную игрушку. При виде ее вспоминался скорее древний утюг, за ненадобностью выброшенный на помойку. Юрий ласково похлопал ее по еще не успевшему остыть капоту.

– Ничего, старушка, – сказал он машине. – Мы с тобой еще заткнем всех за пояс!

* * *

Архаичные часы на приборной панели «Победы» показывали одиннадцать десять. Мокрый после ночного дождя асфальт блестел на солнце, как расплавленный металл. Солнцезащитный козырек не спасал от этого блеска. Юрий пожалел, что не догадался захватить темные очки. Впрочем, единственная пара таких очков, которой он располагал, принадлежала маме. Это были огромные зеленые окуляры в чудовищной пластмассовой оправе, с поцарапанными стеклами и обломанной дужкой. Протирая уставшие глаза, Юрий подумал, что в этих очках за рулем древнего автомобиля он выглядел бы неотразимо.

Из-за солнечного блеска он чуть не пропустил пассажира, который, стоя на бровке тротуара, старательно тянул вверх руку. Юрий поставил рычаг переключения передач в нейтральное положение и с некоторым трудом заставил тяжелую машину остановиться у бордюра. Изношенные тормозные колодки издали протестующий скрип.

Правую дверцу опять заело, и Юрию пришлось перегнуться через сиденье, чтобы помочь пассажиру забраться в салон. Полнеющий лысоватый мужчина, одетый в расчете на дождливую погоду, тяжело плюхнулся на переднее сиденье рядом с Юрием и принялся раз за разом хлопать своенравной дверцей. Его нижняя губа была оттопырена, выдавая раздражение. Наконец дверца закрылась, пассажир откинулся на спинку сиденья и бережно пристроил на коленях плоскую спортивную сумку. Сумка издавала отчетливый запах жареной курицы, и Юрий, который уже успел проголодаться, сглотнул слюну.

– В Быково, – скомандовал пассажир тоном человека, привыкшего отдавать распоряжения. – Надеюсь, ваша машина сможет туда доехать?

Он покосился на Юрия и слегка нахмурился, пытаясь что-то припомнить. Юрию его лицо тоже показалось знакомым. Он не впервые видел эту обширную сверкающую лысину, жирный двойной подбородок, гладкие белые щеки и оттопыренную нижнюю губу. Будь это лицо чуть подлиннее и не таким жирным, его обладатель был бы похож на классика отечественной литературы Алексея Николаевича Толстого.

Юрий отъехал от тротуара, развернулся на перекрестке и поехал в сторону Быково. Он смотрел на дорогу, но лицо пассажира все время не давало покоя. Что-то беспокоило Юрия в этом лице. Где же они виделись? Почему-то Юрий был уверен, что не просто видел этого человека где-нибудь в толпе или в вагоне метро. Им наверняка приходилось общаться, но вот где и при каких обстоятельствах? И почему, спрашивается, его сходство с Алексеем Толстым кажется таким важным?

И тут Юрий вспомнил. Перед ним, как наяву, встал летний день, проведенный в загородном доме банкира Арцыбашева, песчаный пляж, людские голоса, смех, музыка, запах шашлыков и прыгающий на одной ноге, силясь попасть другой в штанину, полуодетый пьяный толстяк – Георгиевский кавалер и лауреат какой-то литературной премии, член Союза писателей Самойлов, которого Женька Арцыбашев, помнится, обозвал проституткой. «Мир тесен, –

подумал Юрий. – Ох, не вовремя мне встретился этот лауреат! Только-только все начало забываться, и вот, пожалуйста!»

Георгиевскому кавалеру, по всей видимости, не давали покоя те же мысли, потому что он, поерзав на скрипучем сиденье, повернулся к Юрию лицом и спросил:

– Нам случайно не приходилось встречаться? Что-то мне ваше лицо кажется знакомым...

– Нет, – солгал Юрий, – не приходилось.

У него не было ни малейшего желания возобновлять знакомство.

– Странно, – сказал лауреат. – Впрочем, что тут странного. У меня отвратительная память на лица, а на имена еще хуже. Познакомлюсь с человеком, а через две минуты не помню, как его зовут. Выпивал как-то раз с министром чего-то там такого. Ну, чокнулись раз, другой... Надо разговор поддерживать, а я забыл, как его по батюшке. Помню, что вроде бы Николай, Коля, а вот как по отчеству – хоть убей, не вспомню. Неудобно получилось. А ведь, казалось бы, писатель должен помнить такие вещи... – Он сделал многозначительную паузу, давая Юрию возможность вставить восхищенную реплику наподобие: «О! Вы писатель?», но Юрий молчал, глядя на дорогу, и лауреат, недовольно пожевав губами, продолжал: – Я ведь писатель. Член Союза. Георгиевский кавалер, между прочим, и лауреат литературной премии имени... Вот черт, даже это забыл! Моя фамилия Самойлов. Аркадий Игнатьевич Самойлов.

– Очень приятно, – сказал Юрий. Все это он уже слышал, и примерно в тех же выражениях.

– А вы, я вижу, не спешите представиться, – после очередной паузы заметил Самойлов.

– А зачем? – не слишком вежливо ответил Юрий.

– Возможно, вы правы, – сказал писатель. – Все равно забуду. И потом, что толку знакомиться? Мы с вами вращаемся в совершенно разных кругах, и вряд ли нам доведется встретиться снова. – Голос у него был уверенный, гладкий, как и его лицо, и Юрий пожалел, что древний радиоприемник, вмонтированный в переднюю панель машины, давным-давно не работает. Было бы очень неплохо чем-нибудь заглушить этот самоуверенный голос. – Курить у вас можно? – поинтересовался Самойлов.

– Отчего же нельзя? – Юрий пожал плечами и закурил сам.

– Ну, – Самойлов неопределенно хмыкнул, – разные, знаете ли, попадаются. Дрожат над своими тележками, как будто они из чистого золота. Некоторым жены запрещают курить в машине. Они, видите ли, не переносят запаха табачного дыма... А ваша жена как к этому относится?

– Я не женат.

– Вот это правильно! Настоящий мужчина должен быть силен, независим и свободен, как ветер. Чтобы в решительный момент рядом не было никого, стесняющего свободу действий. Настоящий мужчина – это тот, кто все время рискует собой, а семья – мощный сдерживающий фактор...

– И ради чего, по-вашему, должен рисковать настоящий мужчина? – поинтересовался Юрий. Выслушивать проповеди от этого пузатого ничтожества было даже забавно. По крайней мере, это звучало интереснее, чем хвастливое перечисление купленных по дешевке регалий. Кроме того, Юрию было любопытно, что ответит Георгиевский кавалер на его вопрос.

– Как это – ради чего? – Самойлов, казалось, был искренне удивлен. – Ради родины, конечно же! Ради России. Разве на свете есть еще что-то, ради чего стоило бы рисковать?

– Некоторые делают это ради денег, – заметил Юрий.

– Я говорю не о некоторых, – веско сказал Самойлов. – Я говорю о настоящих мужчинах. О тех, кто больше не может терпеть униженного положения своей великой страны и готов погибнуть ради того, чтобы она встала с колен.

Юрий покосился на своего пассажира, чтобы проверить, не издевается ли тот. Самойлов, как ни странно, выглядел взволнованным и в упор смотрел на Юрия. Филатов понял, что тот говорил совершенно искренне, и мысленно пожал плечами.

– Мне кажется, – сказал Юрий, – что ради величия страны надо не погибать, а работать.

Громко сигналив, их на огромной скорости обогнал набитый смуглыми черноволосыми людьми джип с включенными фарами. Возвращаясь на свою полосу, джип сильно подрезал машину Юрия. Филатов резко притормозил, не удержавшись от короткого ругательства.

– Вот именно, – сказал Самойлов. – А ты говоришь – работать. Видал, кто поехал? Хозяева жизни, маргашки чернозадые!

– Джигиты, – равнодушно отозвался Юрий. – Кровь горячая, движок мощный, права на рынке купили... Почему не гонять? У меня был знакомый грузин...

– При чем тут грузин? – перебил его Самойлов. – Грузины хоть православные. Да их сейчас в Москве почти и не осталось. Это же чечики!

– Кто? – не понял Юрий.

– Чеченцы, – снисходительно пояснил Самойлов. – В горах жрать нечего, так они сюда переметнулись. Грабят, кровь из народа пьют, людей воруют... Мочить их надо. И будем мочить!

Юрий невольно вспомнил вчерашний вечер. Буквально такими же словами высказался «патриот» в кашемировом пальто, забравшийся в его квартиру и угрожавший ему пистолетом. Вряд ли член Союза писателей был как-то связан с этим отмороженным, но говорили и мыслили они одинаково.

– Кто же это будет их мочить? – осторожно спросил он.

– Кто надо, тот и будет, – отрезал Самойлов. – Много будешь знать – скоро состаришься. Если ты настоящий мужик, сам скоро узнаешь.

Юрий пожал плечами.

– Не знаю, – сказал он. – По-моему, вы немного сгущаете краски. Это что-то нездоровое. Я в последнее время только и слышу: чеченцы, чеченцы... По Арбату патрули с автоматами ходят, паспорта проверяют... Смешно, ей-Богу! Сколько тех чеченцев, что все их так боятся?

– Дурак ты, парень, – сказал Самойлов. – При чем тут количество? Мал клоп, да вонюч. Ты посмотри, что они с нашей армией у себя в горах сделали!

– Это не они сделали, – помрачнев, ответил Юрий. – Это Москва сделала.

– Соображаешь, – похвалил Самойлов. – Политики – суки продажные, от них помощи не жди. Самим надо действовать, понял? Если не понял, то скоро поймешь. В Москве, в самом сердце России, люди не могут спокойно спать из-за этих тварей бородатых. Ничего, найдется и на них управа, дай только срок. Есть люди, которым судьба России безразлична. Я вижу, ты хороший парень, так что не миновать тебе быть с нами.

«Не дай Бог», – подумал Юрий.

– Посмотрим, – ответил он вслух.

Разговор как-то сам собой увял. Вскоре они выехали на ведущую к аэропорту магистраль. Вырвавшись на простор, где не было светофоров и перекрестков, старая «Победа» мало-помалу набрала скорость и, тархтя движком, устремилась вперед. Стрелка спидометра плясала по обширному сектору от шестидесяти до ста километров в час, старые покрышки свистели по гладкому асфальту, округлый, сильно вытянутый вперед капот с силой рассекал прохладный воздух. Взглянув на указатель расхода топлива, Юрий подумал, что на обратном пути нужно будет обязательно заехать на заправку и залить полный бак, пока финансы это позволяют. Теперь «Победа» превратилась из обузы в кормилицу, и Юрий намеревался обеспечить ей максимум внимания и заботы.

Он посмотрел в маленькое и неудобное зеркальце заднего вида. Машину немилосердно трясло на жестких рессорах, и изображение в зеркале прыгало и расплывалось от вибрации,

но он хорошо разглядел приближавшийся сзади автомобиль с включенными фарами. За первой парой сверкавших ярче полуденного солнца огней маячила вторая, за второй – третья, и Юрий понял, что его догоняет целая колонна. Сверкающие фары приближались с невероятной скоростью, и Филатов благоразумно перестроился в крайний правый ряд, чтобы пропустить колонну мимо себя, гадая, что бы это могло значить. Не было ни воя сирен, ни красно-синих вспышек проблесковых маячков, но колонна двигалась с такой скоростью, словно везла десяток премьер-министров и пару-тройку президентов.

Через несколько секунд мимо со свистом проскочил головной автомобиль. Это был пожилой «Опель-омега», рябой от пятен шпатлевки, с оранжевым в черную шашечку плафоном на крыше и зажженными фарами. В салоне не было никого, кроме водителя, который бешено гнал к аэропорту, даже не повернув в сторону Юрия головы.

За «Омегой» промчалась темно-зеленая «семерка», тоже порожняя, за ней прошелестел приземистый «Форд», еще одни «Жигули», снова «Опель»... Все машины шли порожняком, хотя на многих были такие же плафоны с шашечками, как и на головном «Опеле». Единственным предположением, которое возникло у Юрия, было то, что в Быково прибывает какая-то большая группа туристов, и частные таксисты едут встречать гостей. Это было совершенно дикое предположение, но другого объяснения Юрий найти не мог.

Колонна была длинной. Юрий насчитал двадцать две машины, прежде чем она закончилась.

– Ого, – сказал Самойлов. – Куда это они все?

Юрий пожал плечами.

– Туда же, куда и мы, – ответил он.

– Интересно зачем, – растерянно произнес Георгиевский кавалер.

Юрий опять пожал плечами и промолчал. Он просто не знал, что ответить.

Через несколько минут впереди показалось выглядевшее приземистым на фоне огромного ровного пространства здание аэропорта. Юрий свернул на стоянку и сразу понял, куда так торопились частные таксисты.

На стоянке кипела драка. Два десятка частников, перегородив своими автомобилями все выезды со стоянки, организовано напирала на группу таксистов, которые, сгрудившись около своих машин, заняли круговую оборону. Их было вдвое меньше, но они яростно отбивались. Юрий смог по-настоящему оценить масштабы происходящего только после того, как оставил машину у въезда на стоянку и вышел из кабины.

В воздухе мелькали кулаки, монтировки и даже домкраты, слышался матерный рев, лязгало сминаемое железо, хрустел и со звоном сыпался на асфальт сотнями стеклянных призм разбитый вдребезги триплекс. Водители дрались неумело, но яростно, тяжелые монтировки рассекали воздух с такой силой, что Юрию почудилось, будто он слышит их свист даже на таком расстоянии. О том, чтобы пробиться к терминалу аэропорта через эту кашу, нечего было и думать.

Самойлов тоже вышел из машины и остановился рядом, держась обеими руками за верхний край открытой дверцы. Челюсть у него отвалилась, глаза возбужденно бегали по сторонам, вцепившиеся в дверцу пальцы побелели от напряжения. Юрий с удивлением понял, что литератор пребывает в полном восторге от увиденного.

Спохватившись, Самойлов полез в бумажник и протянул Юрию крупную купюру, досадливо отмахнувшись, когда тот попытался отсчитать ему сдачу. Его глаза, словно притянутые сильным магнитом стальные иголки, опять повернулись туда, где бушевала драка. Юрий закурил, не зная, что предпринять. Он почти не сомневался, что дерущиеся оставят на усеянном осколками стекла асфальте не только часть своих зубов, но и парочку трупов, но понимал, что остановить драку не удастся. Он огляделся по сторонам в поисках милиции, но ни одного

человека в форме поблизости не оказалось. Юрий подумал, что это неспроста, и тут у него за спиной раздался визг тормозов.

Глава 4

Юрий обернулся и увидел остановившуюся в каком-нибудь метре от его машины яично-желтую «Волгу» последней модели. Возле нее затормозила еще одна, и на некотором отдалении Юрий разглядел пять или шесть таксопарковских «Волг», на бешеной скорости мчавшихся к месту стычки. К таксистам стала прибывать вызванная по радио помощь.

– Ого, – сказал Самойлов, – что-то будет.

Дверца подъехавшей первой «Волги» распахнулась, как от сильного порыва ветра, и из нее стремглав выскочил таксист, на ходу сжимая сизый, блестящий от частого употребления стальной прут монтировки. Юрий прикрыл дверцу своей машины и слегка посторонился, чтобы не стоять на дороге у спешившего таксиста, но тот и не думал пробежать мимо. Юрий слишком поздно сообразил, что таксист не намерен разбираться, кто тут прав, а кто виноват, и лишь в последнюю долю секунды успел уклониться от просвистевшей в воздухе монтировки, которая с грохотом обрушилась на крышу кабины, оставив на ней небольшую вмятину. Юрий подумал, что, будь на месте «Победы» какой-нибудь «жигуленок», крыше от такого удара немедленно пришел бы конец.

– Эй, парень, – окликнул он таксиста, – полегче. Я не участвую в празднике.

Таксист, казалось, даже не услышал его слов. Восстановив потерянное равновесие, он проворно развернулся и снова взмахнул монтировкой. Юрий нырнул под удар, перехватил рванувшуюся вниз руку и резко вывернул ее, заставив таксиста выронить оружие и стремительно согнуться пополам.

– Вот это дело! – радостно воскликнул Самойлов. – Дай ему в рыло!

Он хотел еще что-то сказать, но тут откуда-то слева на него набежал еще один таксист, и Георгиевский кавалер, получив классический удар в челюсть, коротко взвизгнул и мешком упал в узкую щель между высоким бордюром и передним крылом «Победы».

Юрий отшвырнул от себя обезоруженного противника и повернулся лицом к следующему, понимая, что пускаться в объяснения поздно. Как бы ему ни хотелось сохранить нейтралитет, с его желанием здесь не считались. «Волги» подъезжали одна за другой, из кабин выскакивали жаждущие крови люди, и Юрий понял, что деваться некуда.

Мимо него промелькнул огромный разводной ключ, зажаты в костлявом, испачканном машинным маслом кулаке. Юрий свалил долговязого таксиста мощным ударом в грудную клетку. Тут набежали остальные, и в следующие несколько минут Филатов трудился, как молотобоец, расшвыривая матерящуюся, оцетиненную гаечными ключами, монтировками и даже ножами толпу. Краем глаза он заметил, что в его машине уже выбиты оба ветровых стекла, а кто-то даже ухитрился начисто снести укрепленное на прочном кронштейне боковое зеркало. Наконец до него дошло, что он в одиночку прикрывает тыл затеявших драку участников. Юрий почувствовал, что его вот-вот затопчут, и отступил в глубь забитой автомобилями стоянки, оставив на произвол судьбы и свою машину, и куда-то запропастившегося Самойлова. Юрий надеялся, что у лауреата литературной премии хватит ума лежать тихо и не размахивать перед глазами разъяренных таксистов своим Георгиевским крестом.

Он пытался, отбиваясь от них, как от стаи одичавших собак, и пока что ухитрялся оставаться невредимым. Противник подавлял его не умением, а числом, и постепенно Филатов перестал сдерживать силу ударов, поняв, что только так может избежать больничной койки, а то и похорон за счет мэрии. После этого ему стало немного легче, потому что сбитые им с ног таксисты больше не возвращались в строй.

Понемногу Юрий начал испытывать раздражение. Ситуация складывалась совершенно абсурдная. Он хотел заработать немного денег, а вместо этого оказался втянут в кровавую разборку. Парировав колющий удар длинной отверткой, отточенный конец которой опасно

поблескивал на солнце, он сшиб с ног очередного противника, увернулся от мелькнувшей возле левого уха монтировки и одним движением вскочил на багажник серебристой «Тойоты», весь вид которой наводил на мысль об автомобильной свалке. Ему хотелось посмотреть, что стало с его машиной, но секунду спустя он горько пожалел об этом. Взглянув поверх голов дерущихся и крыш автомобилей, он увидел свою «Победу», совершенно затертую припаркованными со всех сторон желтыми такси. В машине не осталось ни одного целого стекла, выбитые фары напоминали выколотые глаза, а смятый ударом чего-то очень тяжелого капот походил на перебитый нос. У машины был такой вид, словно она не меньше десятка лет простояла на городской свалке. Это зрелище настолько потрясло Юрия, что он, не сдержавшись, нанес страшный удар ногой по ближайшей физиономии. Физиономия опрокинулась и исчезла, мгновенно залившись кровью, а на ее месте немедленно возникла другая. Юрий почувствовал, что всеобщее безумие захватывает и его, застилая красной пеленой глаза.

Стоя на прогибающемся под его тяжестью багажнике «Тойоты», он увидел, как приземистый бритый человек с расквашенным носом и оторванным рукавом куртки, поминутно утирая сочившуюся из носа кровь, отбившись от пары наседавших на него таксистов, рывком распахнул багажник кремовой «шестерки». Его сбили с ног и некоторое время пинали, после чего оставили в покое. Бритый с трудом поднялся, цепляясь окровавленными руками за бампер машины, и нагнулся над открытым багажником. Его свалили во второй раз, но он снова встал и опять упорно полез в багажник. В этом упорстве было что-то зловещее, и Юрий понял, что сейчас произойдет, за секунду до того, как бритоголовый выпрямился. В руках у него сверкнула воронеными стволами старенькая «тулка» с простой деревянной ложей.

– Замочу, отморозки! – густым басом проревел бритоголовый, переламывая ружье и лихорадочно шаря по карманам в поисках патронов.

Завладевшая ярость моментально выветрилась, Юрий понял, что должно произойти. Он бросился к бритоголовому, перепрыгивая с багажника на багажник, перебегая по крышам машин и отшвыривая тех, кто пытался стащить его вниз, в копошившуюся на забрызганном кровью асфальте людскую кашу.

– Вали их, Басурман! – завопил кто-то.

Юрий на бегу повернул голову и увидел кричавшего. Это был длинный сутулый мужик со сморщенным, похожим на печеное яблоко лицом, посреди которого нахально торчал сильно вздернутый короткий нос. Под носом топорщились прокуренные усы, подковой охватывавшие яростно оскаленный рот. В это время усатому дали по зубам, и он пропал из вида, напоследок издав невнятный вопль.

Басурман зарядил двустволку, с отчетливым шелчком поставил на место стволы и вскинул ружье к плечу. Его лицо мгновенно приняло сосредоточенное, отстраненное выражение, левый глаз прищурился, щека прижалась к лакированному прикладу. Юрий изо всех сил оттолкнулся от крыши автомобиля, пролетел по воздуху последние два метра и обрушился на стрелка сверху, сбив его с ног и первым делом крепко вцепившись в ружье. Басурман придушенно вякнул, но тут же пришел в себя и попытался освободить двустволку. Юрий сильно двинул его локтем, целясь в солнечное сплетение. Бритоголовый охнул и обмяк, выпустив оружие. Кто-то больно пнул Юрия в ребра, и сразу же ему наступили на шею грязной мокрой подошвой. Он вскочил, не дожидаясь, пока его затопчут, ударил кого-то прикладом и сильно ткнул стволами ружья в чей-то мягкий живот, все время помня о том, что двустволка заряжена и может выпалить в любой момент. Над его головой снова взлетела монтировка. Юрий подставил под удар ружье. Металл лязгнул о металл. Филатов ударил таксиста ногой, тот выронил монтировку и сел на корточки, держась руками за пах.

– Басурма-а-а-ан!.. – послышался крик Усатого.

Юрий локтями и прикладом расчистил себе немного места, вскинул ружье стволами вверх и дуплетом выпалил в зенит. Картечь со свистом ушла в голубое небо. На стоянку упала

тишина, лишь звякнуло потревоженное чьей-то ногой стекло. Люди в ужасе застыли в неестественных позах, как дети, играющие в «замри-отомри».

– Чего это? – растерянно спросил кто-то.

Юрий размахнулся и запустил ружье в пространство, стараясь зашвырнуть оружие как можно дальше.

– Хватит, мужики, – сказал он. – Побаловались, и будет.

Перекошенные, испачканные кровью лица медленно повернулись к нему с одинаковым выражением тупого недоумения. Юрий подумал, что они выглядят как люди, внезапно разбуженные посреди ночи.

– Чего это? – повторил тот же голос.

– Валите отсюда, пока милиция не приехала, – сказал Юрий. – Как маленькие, честное слово.

Он хотел добавить, что после этого побоища им всем хватит забот и без милиции, но тут кто-то, подкравшись со спины, ударил его по голове монтировкой. В последний миг Юрий услышал шорох за спиной и угадал приближение опасности по изменившемуся выражению повернутых к нему лиц. Он успел слегка отвести голову, и удар, который должен был раскрыть ему череп, лишь ободрал кожу на затылке и обрушился на правое плечо. Юрий упал на одно колено, и тут же стоявший ближе всех таксист ударил его ногой, целясь в лицо. Юрий блокировал этот удар рукой и понял, что драка вспыхнула с новой силой. Похоже было на то, что государственные таксисты и их конкуренты не успокоятся, пока не разорвут друг друга в клочья.

Его сбили с ног, пиная и топчая, катили несколько метров по корявому асфальту и непременно затоптали бы насмерть. Но вокруг бушевала грандиозная потасовка, и через несколько минут тот, кто пинал Юрия, рухнул на него с расквашенной физиономией, прикрыв Филатова от сыпавшихся со всех сторон ударов.

Юрий понимал, что уехать из аэропорта не удастся, пока блокировавшие его «Победу» такси не освободят дорогу, но принимать дальнейшее участие в этой бесцельной свалке ему теперь хотелось даже меньше, чем вначале. Кроме того, его почему-то очень интересовала судьба литератора Самойлова. Как ни странно, Юрий чувствовал себя ответственным за своего пассажира, хотя не испытывал к нему ни малейшей симпатии.

Оказалось, что Георгиевский кавалер жив и здоров. Добравшись до места, где стояла «Победа», Юрий застукал литератора за весьма неблагоприятным занятием: вооружившись взятым в салоне «Победы» складным ножом и кряхтя не то от натуги, не то от удовольствия, член Союза писателей Аркадий Игнатьевич Самойлов старательно протыкал колеса таксопарковских «Волг». Четыре машины уже тяжело осели на спущенных шинах, почти касаясь брюхом асфальта. Юрий подошел как раз в тот момент, когда Самойлов, подобрав с земли оброненный кем-то разводной ключ, сладострастно высаживал лобовое стекло очередной «Волги». Его правая щека была ободрана об асфальт, а левая распухла и посинела. Юрий съездил литератору по шее и отобрал у него нож.

– Чем это вы тут занимаетесь? – устало спросил он.

– Око за око, – ответил литератор, – зуб, – он сделал паузу и озабоченно пошарил за щекой языком, – за зуб. Этот козел мне два зуба расштал, представляешь? А ты здорово дерешься, парень.

Юрий защелкнул нож и через выбитое окно бросил его на сиденье своей машины.

– Бросьте эту железяку, – посоветовал он Самойлову, кивнув на разводной ключ, – пока вас с ней не застукали. Увидят, что вы сотворили с их машинами – в клочья разорвут. Георгиевский крест не на что будет цеплять. И вообще, вы ведь, кажется, торопились на самолет. Бросьте ключ, говорю.

Самойлов послушно бросил ключ, но не на землю, а в лобовое стекло ближайшей машины. Стекло треснуло, покрывшись густой сеткой трещин, сделалось непрозрачным и тяжело провисло вовнутрь. В том месте, куда попал ключ, образовалась неровная продолговатая дыра. Юрий досадливо сплюнул под ноги и удивился, заметив в плевке кровь.

– На самолет я все равно уже опоздал, – сообщил Самойлов. – И потом, я летел на читательскую конференцию. На кой черт, спрашивается, моим читателям сдался их любимый автор с такой расквашенной рожей? Мной теперь только детей пугать.

– Да, – сказал Юрий, глядя мимо него на продолжавшуюся драку, – славянский темперамент – штука сложная.

– Бурлит народ, – с видом эксперта констатировал Самойлов, глядя в ту же сторону. – В умах брожение, в душе обида... Понимают, что плохо живут, вот и хочется дать кому-нибудь по загривку. А кому дать – не понимают, вот и мордуют друг друга почему зря. Ничего, скоро поймут.

– А вы идите и все им объясните, – предложил Юрий, осторожно трогая затылок. Пальцы ощутили что-то теплое, скользкое, и, когда Юрий поднес их к лицу, они были красными от крови.

– А ты не только кулаками работать горазд, – с непонятной интонацией заметил Самойлов. – У тебя, я смотрю, и язычок – ого-го! Не нравлюсь я тебе, а?

– Мне с вами детей не крестить, – уклончиво ответил Юрий.

– И то верно, – не стал спорить литератор. – Я не девка, чтобы амбалы вроде тебя мне под ноги стелились. Главное, что мы с тобой оба русские и оба – настоящие мужики.

– М-да, – сказал Юрий.

Самойлов искоса посмотрел на него и усмехнулся испачканным подсыхающей кровью ртом.

– Очень я тебе не нравлюсь, – повторил он. – Ну и зря. А вот ты мне нравишься. Чует мое сердце, что дорожки наши пересекутся... А вот и кавалерия подоспела!

Юрий посмотрел в направлении, указанном Самойловым, и увидел два тяжелых серо-зеленых автофургона, зарешеченных от фар до лобовых стекол, которые неторопливо остановились на ближних подступах к стоянке, где все еще бушевала яростная и бессмысленная кровавая драка.

* * *

Юрий толкнул тяжелую, неряшливого вида дверь с прорезанным в ней широким застекленным глазком, вышел на бетонное крыльцо, накрытое бетонным же козырьком с выкрашенными в отвратительный зеленый цвет железными колоннами, с удовольствием набрал полную грудь прохладного вечернего воздуха и с силой выдохнул, очищая легкие от застоявшейся табачной вони, затхлого запаха давно немых тел и непередаваемой, но ужасно въедливой вони, присущей всем казенным помещениям на Руси.

Уже начинало смеркаться, и вдоль улицы зажглись фонари. Юрий посмотрел на часы и покачал головой: день пропал. От этого нехитрого движения голову опять пронзила боль. Он неторопливо вынул из кармана сигареты и закурил. Спешить было некуда.

Дверь позади него глухо бухнула, и мимо, старательно отворачивая прыщавую физиономию, торопливо прошмыгнул мозгляк лет двадцати пяти в форме лейтенанта милиции. Левым локтем он прижимал к боку папку на «молнии», а правой рукой придерживал висевшую на бедре кобуру.

Лейтенант был тот самый, которому Юрий пообещал открутить голову, и то, что он старательно смотрел в сторону, было вполне объяснимо. Юрию захотелось крикнуть ему что-нибудь вслед, чтобы бравый страж порядка обмочился с перепугу.

Дождавшись, когда лейтенант семенящей походкой скрылся за углом, Юрий не спеша сошел с крыльца. Омоновские автофургоны уже уехали – возможно, на базу, а может быть, опять кого-нибудь усмирять с помощью наручников и резиновых дубинок. Напротив крыльца стояли только «уазик» с помятым крылом да пара сине-белых «Жигулей» с гербами и мигалками на крышах. Под капотом «уазика» лениво ковырялся толстозадый сержант. Когда Юрий проходил мимо, он повернул в его сторону недовольное лицо, но, встретившись с Филатовым взглядом, поспешно отвернулся.

Юрий медленно шел в сторону метро, размышляя о том, что завтра нужно будет тащиться в Быково забирать то, что осталось от машины, и что заработки его теперь накрылись до тех пор, пока он не приведет машину в порядок, и что чинить «Победу» не на что, и что деньги, по всей видимости, вообще несовместимы с ним, Юрием Филатовым... Это были поверхностные мысли на злобу дня, и они не могли испортить удовольствие от неторопливой прогулки после долгих томительных часов, проведенных в отделении милиции.

– Ну что, богатырь, выпустили? – неожиданно услышал он и резко обернулся на голос.

Он увидел прижавшуюся к тротуару огромную приземистую машину, сверкавшую черной эмалью и надраенным хромом. У машины были несовременные, странно знакомые очертания, и Юрий с некоторым изумлением убедился, что перед ним старый правительственный «Зил». В этом глухом переулке лимузин смотрелся странно.

Стекло в передней дверце было опущено, и из окна выглядывал улыбающийся Самойлов.

– А, писатель, – устало сказал Юрий. – В чем дело?

– Ты все еще меня не полюбил, – с напускной печалью констатировал литератор. – А зря! Я, между прочим, тебя из такого дерьма вытащил, что подумать страшно. Мусора тебе дело хотели пришить. Если бы не я, ты бы уже в Бутырке загорал.

– Как хорошо быть кавалером, – сказал Юрий и выстрелил окурком в темноту.

– И лауреатом впридачу, – добавил Самойлов и самодовольно хохотнул. – Но лучше всего иметь влиятельных знакомых. Ну, и деньги, конечно.

– Ну ладно, – сказал Юрий. – Спасибо за помощь. Я, пожалуй, пойду.

– Вот так просто повернешься и пойдешь? – огорчился Самойлов. Он осторожно потрогал распухшую щеку, поморщился и ухмыльнулся. – Как ты полагаешь, – спросил он вдруг, – существует ли разница между гордостью и гордыней? Говорят, гордость – это хорошо. Дворянская гордость, национальная гордость, вообще гордость... А гордыня – это плохо. Значит, разница должна быть. Но вот в чем она, эта разница? Где проходит граница?

– Вы меня спрашиваете? – удивился Юрий.

– А кого же мне еще спрашивать?! Ты так себя ведешь, словно тебе это доподлинно известно.

– Слушайте, писатель, – сказал Юрий. – Я вам действительно благодарен, но я чертовски устал и до неприличия проголодался. Мне недосуг решать философские ребусы, стоя на тротуаре в двух шагах от райотдела.

– Так садись в машину, – предложил Самойлов. – Зря я, что ли, сюда притащился? Садись, подвезу. Ты меня подвез, я – тебя... Ну?

Юрий дотронулся до заклеенной пластырем гули на затылке, пожал плечами и, обойдя лимузин, уселся на переднее сиденье рядом с Самойловым. Литератор выудил откуда-то плоскую стальную фляжку, свинтил колпачок, глотнул и протянул флягу Юрию. Филатов отрицательно покачал головой.

– Что?! Не хочешь?! – удивленно спросил Самойлов.

– Не люблю пить на голодный желудок. Развозит, – соврал Юрий. Он не испытывал ни малейшего желания пьянствовать в такой компании. Особенной благодарности к Самойлову он не чувствовал: у того наверняка были свои причины, чтобы похлопотать о незнакомом человеке.

– Развозит? – удивился Самойлов. – А по тебе не скажешь... Тогда, может, закуришь? Он протянул Юрию открытый портсигар, в котором было несколько папирос. Юрий снова покачал головой.

– Как хочешь, – Самойлов защелкнул портсигар и затолкал его в карман. – Так куда поедем?

– А черт его знает... Надо бы машину из Быково забрать...

– Запросто! Хотя зачем тебе эта развалюха? Давай, я тебе новую подарю.

– Спасибо, – отказался Юрий. – Моя мне дорога как память.

– Вот разве что... – Лимузин мягко тронулся с места и бесшумно покатился вперед. – Тогда, может, денег на ремонт подкинуть?

– У вас хороший автомобиль, – перевел разговор на другую тему Юрий.

– А, – Самойлов небрежно махнул рукой, – подарок от поклонников.

Юрий немедленно вспомнил, что Арцыбашев называл Самойлова проституткой, и с трудом сдержал улыбку.

Водил Самойлов отвратительно. Всякий раз, когда он переключал передачу, тяжелая машина принималась грохотать по дороге. Но скорость Георгиевский кавалер любил, и Юрий с трудом подавлял в себе желание дать ему по рукам и отобрать руль или просто зажмуриться и не открывать глаз до самого аэропорта.

Старый лимузин стремительно мчался по вечерней Москве, литрами глотая дорогой бензин. В мягком сиянии приборного щитка Юрий видел, что Самойлов загадочно улыбается. Оставалось только гадать, что ему нужно от Юрия.

– Ты хороший парень, – начал Самойлов.

– Спасибо.

– Не перебивай. Ты силен, ловок, умеешь драться и при этом неглуп. Такие люди, если хочешь знать, встречаются не так уж часто. Один на тысячу, а может, и больше.

– Надо же, – не удержавшись, вставил Юрий. – Никогда бы не подумал!

– Вот и подумай... Я намерен заняться политикой, и человек вроде тебя мог бы быть мне очень полезен.

– В каком качестве?

– Берешь быка за рога? Что ж, это правильно. Пока что я мог бы использовать тебя в качестве водителя и охранника – на первое время, сам понимаешь. Потом, когда мы познакомимся поближе...

– Когда вы запомните мое имя, – уточнил Филатов.

– А?.. Ну да, вот именно. Так вот, немного позже, когда станет понятно, что ты из себя представляешь, я мог бы подыскать тебе другое место в моей команде. Деньгами не обижу, будь спокоен. И вообще, жить будешь как у Христа за пазухой.

Юрий зевнул, деликатно прикрыв рот ладонью. Ему было скучно.

– А какая у вас программа? – спросил он, чтобы не молчать.

– Программа простая, – неожиданно серьезно ответил Самойлов. – Национальное возрождение – вот и вся моя программа.

– Убрать кавказцев с Черкизовского рынка, – уточнил Юрий.

– А ты не иронизируй, – огрызнулся Самойлов. – Кто ты такой, чтобы судить? Да, убрать кавказцев с Черкизовского рынка. И не только с Черкизовского, и не только кавказцев... Но кавказцы – первоочередная задача. С ними нужно разобраться в самое ближайшее время, не то будет поздно. Эти взяточники из московского правительства не понимают, что сами рубят сук, на котором сидят. Скажешь, не так?

Он требовательно уставился на собеседника, ожидая ответа.

– Смотрите на дорогу, – сказал Юрий. – Я не понял: каких таких сук они рубят у себя в московском правительстве? Вы имеете в виду хот-доги? Так я их все равно не ем.

Самойлов грубо выругался, обгоняя троллейбус.

– Уговорил, – сказал он. – Дам тебе еще пол-ставки артиста разговорного жанра и колпак с бубенчиками.

В его голосе теперь звучали начальственные, хозяйские нотки, и Юрий с любопытством покосился на него. Толстяк, похоже, был уверен, что сделка состоялась. Филатов тихонько вздохнул, подумав, что события опять пошли не в том направлении. Какая-то неотвратимая сила затягивала его в водоворот неприятностей, из которого, похоже, не выбраться. Сначала визит кашемирового бандита, теперь этот... лауреат, черт бы его побрал.

– Я говорю серьезно, – продолжал Самойлов. – Решать нужно быстро. С кем ты – с нами или с ними?

– Я сам с собой, – ответил Юрий.

– Онанист, что ли? Шутка, извини. Просто тебе надо понять, что сегодня так нельзя. Кто не с нами, тот против нас, вот как обстоят дела на сегодняшний день.

– Ну, значит, я против вас, – равнодушно сказал Юрий. – Когда придете к власти, не забудьте приберечь для меня местечко в концлагере.

– А ты злой, – заметил Самойлов. – С голодухи, что ли? Люблю злых и голодных. Они быстрее соображают, острее реагируют, да и вообще... Сатур вентур нон студит либентур.

– Что? – переспросил Юрий.

– Сытое брюхо к учению глухо. Латынь, сынок. Знаешь латынь?

– А как же! – Юрий напрягся, припоминая одно из выражений, написанных на мятой бумажке, которую когда-то давно, хихикая, показал ему приятель, учившийся на первом курсе медицинского. – Пенис лонгус базис витас, – изрек он.

Самойлов расхохотался так, что лимузин вильнул, выскочив на полосу встречного движения. Юрий уже успел заметить, что чувство юмора у лауреата литературной премии самое что ни на есть неприятное.

– Ну, уморил, – сказал литератор, снимая одну руку с баранки и утирая выступившие слезы. – Ну, завернул! Надо будет записать, пока не забыл. Нет, парень, я тебя так просто не отпущу. Такие, как ты, на дороге не валяются. Можешь говорить и думать что хочешь, но ты – наш. У меня глаз наметанный, я людей насквозь вижу. Обостренное чутье писателя – слышал про такое?

– Я слышал про обостренную совесть писателя, – сказал Юрий.

Самойлов снова расхохотался, как будто Юрий рассказал ему свежий анекдот.

– Наш, – повторил он. – Как есть, наш! Вот только язык длинноват.

Это прозвучало неожиданно холодно и почти угрожающе. Юрий хмыкнул. Таким Самойлов нравился ему больше. Интересно, подумал Юрий, он что же, всерьез намерен сцепиться с чеченцами? За каким чертом ему это надо? Его и так неплохо кормят... А он ведет себя как человек, занятый сколачиванием боевой организации и намеренный в ближайшее время перейти от слов к делу. Зачем ему это? Сидел бы себе в кабинетике за письменным столом, жег лампу под зеленым абажуром и перелистывал собрание собственных сочинений. Зачем ему эти разборки с чеченами? Жить ему, что ли, надоело? Или он просто треплется, цену себе набивает? Ордена и премии можно купить, а вот уважение и тем более политический вес – тут никаких денег не хватит. Может, в этом все дело? Покривляется, помашет ручонками, покричит про муки богоизбранного народа – глядишь, и пролезет в Думу. И будет четыре года дурака валять...

Самойлов завозился на сиденье, пытаясь устроиться поудобнее, словно ему что-то мешало, негромко выругался, полез за пазуху (машина при этом снова опасно вильнула), рывком вытащил оттуда зацепившийся за что-то пистолет и рукояткой вперед протянул его Юрию.

– Мешает, зараза, – сказал он. – Сунь в бардачок.

Юрий молча взял у него пистолет, чтобы он побыстрее вернул руку на руль. Пистолет был большой, тяжелый, из матового серебристого металла, с очень толстым стволом и белыми костяными накладками на рукоятке. Такими пистолетами пользуются наркобароны из кинобоевиков. Повертев пистолет в руках, Юрий бросил его в бардачок и захлопнул крышку. Наличие за пазухой у Самойлова пистолета ничего не меняло: носить при себе оружие не означает умения им пользоваться.

– Стрелять умеешь? – спросил Самойлов, словно прочитав его мысли.

– Пробовал пару раз, – сказал Юрий.

– Ничего, научишься, – утешил его литератор.

Впереди показались огни аэропорта, и писатель немного снизил самоубийственную скорость.

– А ведь твоей машины здесь, наверное, нет, – сказал он. – Скорее всего, весь металлолом, которого здесь накрошили днем, оттащили на какую-нибудь штрафную стоянку.

– Черт! – воскликнул Юрий. – Наверное, так и есть. Я как-то даже не подумал...

– Не дрейфь, – бодро откликнулся писатель. – С тобой лауреат и Георгиевский кавалер Аркадий Игнатьевич Самойлов. Найдем твое корыто. Поверь, это проще, чем вытаскивать тебя из ментовки.

Глава 5

Юрий бодро сбежал по ступенькам, фальшиво насвистывая похоронный марш Шопена. Навстречу ему снова попался квартирант из восемнадцатой. Юрий бросил «привет» в ответ на его неизменное «здравствуйте» и между делом подумал, откуда это лицо кавказской национальности может регулярно возвращаться по утрам. Эта встреча снова напомнила ему о визите уголовника в черном пальто и вчерашних разглагольствованиях Самойлова. «Что-то много в последнее время возни вокруг чеченцев, – подумал он. – Интересно, что я стану делать, если однажды посреди ночи услышу, как этот тип из восемнадцатой вопит, что его режут? Побегу на выручку или подержу, чтобы не дергался?» Он усмехнулся: большинству людей подобный вопрос даже не пришел бы в голову. Самый разумный выход в такой ситуации – натянуть одеяло на голову и попытаться снова уснуть. В крайнем случае можно набрать «02» – пусть разбираются. Им за это деньги платят.

Продолжая насвистывать, он толкнул скрипучую дверь и вышел из подъезда. «Победа» стояла там, где он ее оставил. То, что выглядело страшновато ночью, в беспощадном утреннем свете смотрелось как последствие ядерной катастрофы. Юрий сразу понял, почему чеченец из восемнадцатой квартиры так странно посмотрел на него при встрече. Если бы у Юрия была очень дорогая породистая собака и ее задавил проезжавший мимо мусоровоз, соседи бросали бы на него точно такие же взгляды, в которых сочувствие в равных пропорциях было смешано со злорадством. Глядя на то, что осталось от его машины, Юрий подумал, что похоронный марш – самая подходящая музыка в данном случае.

Стоя у подъезда, он пересчитал наличность. Того, что он заработал накануне, хватило бы разве что на замену разбитых таксистами стекол. Юрий не отчаивался – у него имелся конкретный план. Конечно, эксплуатировать приятельские отношения не совсем этично, но другого выхода он не видел.

В таксопарке, где когда-то работал Юрий, с давних пор имелся свободный бокс. По неизвестной причине он был построен таким образом, что его ворота открывались прямо на улицу. Руководство таксопарка почему-то сочло такую планировку помещения неприемлемой, и оно на протяжении многих лет использовалось в качестве склада для всевозможного ненужного хлама – лысых покрышек, пришедших в окончательную негодность коробок передач, треснувших блоков цилиндров и прочего ни на что не годного лома. Периодически к боксу подгоняли тяжелый самосвал, грузили в ковш все это добро и благополучно сдавали в утиль.

Почти одновременно с приходом Юрия на работу в таксопарк в дирекции объявился человек по фамилии Валиев. Сергей Русланович Валиев по паспорту значился татарин, хотя родился и вырос в Москве. В свои сорок два года он успел повоевать в Афганистане и сменить не менее десятка профессий – от водителя троллейбуса до редактора заводской многотиражки. Теперь он решил открыть небольшую мастерскую по ремонту автомобилей. Его интересовал заброшенный бокс, и дирекция сочла возможным сдать фактически пустующее помещение в аренду. Плату заломили грабительскую, но Валиев согласился: в эпоху всеобщей лихорадочной автомобилизации, выражающейся в скупке на Западе ветхих, почти выработавших свой моторесурс автомобилей, доходы от автосервиса обещали превзойти любые затраты.

Как-то само собой вышло, что Юрий Филатов близко сошелся с Валиевым. Сергей Русланович много повидал и был очень интересным собеседником. Возможно, их свело вместе военное прошлое, но Юрий видел основную причину в том, что и он, и Валиев выглядели в таксопарке белыми воронами. Оба прекрасно умели ладить с окружающими, но настоящего контакта почему-то не происходило, да они к этому и не стремились. Когда Юрий по настоянию своего приятеля банкира Арцыбашева уволился из таксопарка, они с Валиевым были уже друзьями.

Именно к Валиеву и направлялся сейчас Юрий в расчете отремонтировать машину. То, что автомобиль повредили таксисты, его мало беспокоило: это было чистой случайностью. Кроме того, на месте сражения он не заметил ни одной машины из родного таксопарка. Его бывшие коллеги промышляли в другом районе и не принимали участия в драке.

Он завел двигатель и тронулся с места. В выбитое переднее окно сразу же потянуло прохладным ветерком, который усиливался и становился все холоднее по мере увеличения скорости. Юрий застегнул куртку до самого горла, пожалев о том, что не сообразил надеть хоть какую-нибудь кепку. Встречный поток воздуха трепал волосы и заставлял слезиться глаза. Светило солнце, но вскоре Юрий почувствовал, что у него замерзают уши и пальцы рук. Ветер монотонно гудел в стойках кузова, беспрепятственно продувая салон насквозь.

Юрий невольно улыбнулся, вспомнив минувшую ночь. Вдохновленный коньяком и марихуаной Самойлов развил бурную деятельность и вопреки всем законам природы сумел-таки выяснить, куда отбуксировали машину Юрия. В начале первого ночи они подъехали к штрафной стоянке, расположенной в Мневниках, на противоположном конце города. По дороге Самойлов то и дело прикладывался к своей фляге, так что к концу путешествия она совершенно опустела, а литератор в речах и осанке уподобился Зевсу. Наблюдая за ним, Юрий не сомневался, что пробуждение за решеткой будет для них немислимым счастьем. Гораздо больше шансов было на то, что они вообще не проснутся, разбившись вдребезги на чертовом лимузине Самойлова, который порхал по проезжей части, как бегемот, спяну вообразивший себя ласточкой.

Только пьяный и обкуренный в дым Георгиевский кавалер и лауреат безымянной литературной премии смог в половине первого ночи добиться того, чтобы им позволили забрать со штрафной стоянки автомобиль. Он метал громы и молнии, густо дыша коньячным перегаром, звонил кому-то по телефону, ругался черными словами и обзывал всех подряд бездельниками и казнокрадами. Судя по тому, что все это хулиганство сошло ему с рук, у писателя действительно были очень влиятельные друзья. Примерно через час Юрий уже сидел в усыпанном битым стеклом салоне своей старушки «Победы», выводя ее со стоянки.

У ворот стоянки они расстались. Самойлов сунул Юрию свою визитную карточку, повалился на водительское сиденье «ЗиЛа», с места дал полный газ и уехал в ночь, выписывая жуткие кренделя. Глядя ему вслед, Юрий подумал, что при сложившихся обстоятельствах шансов на новую встречу с Самойловым у него очень мало. Оба рисковали не добраться до дому: один – по причине полной невменяемости, вызванной алкоголем и травой, а второй потому, что намеревался проехать ночью через всю Москву с выбитыми фарами. Подумав об этом, Юрий снова улыбнулся: он доехал благополучно, значит, несчастливый билет достался Самойлову.

Добравшись до таксопарка, он перестал улыбаться: ворота бокса, в котором совсем недавно располагалась ремонтная мастерская, были заперты на огромный висячий замок. Никаких надписей и объявлений, поясняющих причины подобного запустения, ни на воротах, ни вокруг них не наблюдалось.

Юрий остановил машину на просторной асфальтированной площадке перед воротами таксопарка и выбрался из-за баранки, небрежно хлопнув дверцей. Запирать дверцу он не стал, поскольку ни одного стекла в машине все равно не было. Отойдя на несколько метров, он оглянулся. «Победа» выглядела так, словно простояла на этом пятачке грязного асфальта последние пятьдесят лет. Филатов вздохнул и двинулся к проходной.

Вахтер на проходной приветственно помахал ему рукой и приложил ладонь к козырьку засаленной форменной фуражки с зеленым околышем. Сегодня дежурил отставной майор Михалыч, хорошо помнивший Юрия и уважавший его за армейское прошлое. Юрий улыбнулся в ответ и прошел на территорию парка, на мгновение испытав ностальгическую грусть. Сколько раз он выводил желтую «Волгу» с зеленым огоньком в правом углу лобового стекла из

этих самых ворот! Сколько раз, протирая кулаком слипающиеся глаза, он загонял в эти ворота машину с таким чувством, словно вернулся домой!

Он огляделся в поисках знакомых лиц. Как всегда между пересменками, парк выглядел пустым и заброшенным. Где-то в отдалении лениво прошагала сутулая фигура в сине-буром рабочем комбинезоне, по частям втиснувшись в узкую калитку, прорезанную в железных воротах одного из боксов, и скрылась из вида. Юрий покосился на сделанную метровыми буквами надпись «НЕ КУРИТЬ!», украшавшую фасад ближайшего к нему бокса, неторопливо закурил и двинулся вперед.

Знакомый автослесарь Колюня, ни отчества, ни фамилии которого не знал в таксопарке никто, за исключением разве что начальника отдела кадров, обнаружился там, где и положено находиться автослесарю в рабочее время, а именно под машиной, которая была подвешена на тросах к потолку одного из боксов. Озабоченно насвистывая, Колюня что-то делал под облепленным толстым слоем грязи брюхом потрепанной «Волги». Из-под машины доносилось позвякивание металла и добродушные матюки. У Колюни был золотой характер – Юрий не мог припомнить случая, когда слесарь вышел бы из себя или пребывал в плохом настроении.

Юрий подошел к машине и, слегка наклонившись, похлопал Колюню по плечу.

– А, Юрок! – обрадовался Колюня, выбираясь из-под машины. – Навестить пришел?

Глядя на его добродушное, перепачканное смазкой лицо, Юрий не нашел в себе сил солгать.

– Честно сказать? – спросил он.

– Значит, по делу, – констатировал слесарь. – Что у тебя стряслось? Пошли на воздух, там поговорим. Курить есть?

Юрий протянул ему пачку, и они бок о бок вышли из бокса.

– Ну, рассказывай, – предложил Колюня, усаживаясь на вкопанную у стены скамейку. Перед скамейкой лежал обод от заднего колеса трактора «Беларусь», игравший роль общественной пепельницы, а на стене прямо над головой Колюни красовалась надпись: «Место для курения». В ободе было полно бычков, горелых спичек, мятых сигаретных пачек и другого мусора.

– Я, вообще-то, надеялся застать Валиева, – признался Юрий, с некоторой опаской присаживаясь на лоснящееся от машинного масла, отполированное пропитанными солидолом рабочими штанами деревянное сиденье. – Он что, заболел?

– Вон оно что, – протянул Колюня с непонятной интонацией. – Валиев... Ну, можно сказать и так. Считай, что заболел. Ты к нему по делу или как?

– Допустим, по делу.

– Если насчет починки, можешь считать, что он не только заболел, но уже и помер. То есть, сам-то он живой, чего ему делается, а вот бизнес его накрылся одним интересным местом.

– Да ну?! – изумился неприятно пораженный Юрий. – Как же это? Неужто прогорел?

– Прогорел, ага, – саркастически произнес Колюня. – Его прогорели, это да. Хороший мужик Серега, но гордый. Через это и скопытился. В аренде ему наш директор отказал. То есть по бумагам-то Валиев сам отказался, а на самом деле... Эх, жизнь!..

– Понимаю, – сказал Юрий. Ситуация начала проясняться, но ничего утешительного в ней не было. – Они с директором чего-то не поделили?

Колюня сосредоточенно пососал сигарету, длинно сплюнул в сторону и звучно хлопнул себя ладонью по колену.

– Да чего им делить? Наш Букашин в Сереге души не чаял. Ты же знаешь, какую он с него аренду драл. Кто ж такого арендатора по своей воле прогонит? И Серега был доволен. Он нам – слесарям то есть – пару литров, а мы ему, соответственно, то глушитель, то коробку старую, то прокладку... Ну, чего тебе объяснять, ты же сам в этом супе варился, должен понимать.

– Да, конечно, – терпеливо подтвердил Юрий, снова протягивая пачку Колюне, который уже докурив свою сигарету и теперь с легким недоумением разглядывал пальцы, словно не в силах уразуметь, куда она могла подеваться. – Я не понимаю только, почему Валиев отсюда ушел, если все было так хорошо.

– Это все чечены, – авторитетно сообщил Колюня, раскуривая сигарету. – Головешки черномазые. Эх, не дали нашим ребятам их в Грозном дожать!.. Зато теперь они нас дожимают.

Юрий поперхнулся дымом и благодарно кивнул Колюне, который заботливо постучал его по спине, едва не сломав позвоночник. «Опять чеченцы, – подумал он. – Прямо помешались на них все без исключения. Неужели эта война так всех напутала? Нет! Вряд ли. Ведь не боятся же ни армян, ни азербайджанцев, ни молдаван, хотя во всех этих регионах стреляли и продолжают стрелять. Нет, только и слышишь, что разговоры о чеченской угрозе! Может быть, она и вправду существует? Или такая нелюбовь к чеченцам обусловлена вполне понятным желанием отыграться за поражение? Интересно, как американцы относятся к вьетнамцам?»

– При чем тут чеченцы? – спросил он.

Колюня окинул его откровенно сочувственным взглядом.

– Вот ты вроде образованный мужик, – сказал он, – а простых вещей не понимаешь. Вроде того очкарика, что идет по полю и любитесь: ах, какой красивый вдалеке лес! И мордой в забор – бац!

Юрий рассмеялся, невольно подумав, что слесарь во многом прав. Он действительно частенько не замечал очевидных вещей до тех пор, пока не происходил очередной «бац».

– Смешно ему, – проворчал Колюня. – Крыша! Слышал такое слово? Это когда одни бандюки обещают тебя от других защитить, а за это дело стригут тебя каждый месяц, как барана.

– Погоди, – сказал Юрий. – А при чем здесь таксопарк?

– Таксопарк вроде как и ни при чем, потому как он государственный. Зато таксисты – другое дело. Они хоть и государственные, а все-таки живые люди. А пока человек живой, его можно доить. Ну а Валиев твой – тот и вовсе частник, с него брать сам Бог велел. А чечены, я слышал, нынче все такси и все автосервисы по Москве под себя подгрести. Смекаешь, что получается?

– Хорошо, – сказал Юрий. – Это я могу понять.

– А чего не можешь?

– Почему Валиев отказался от аренды, вот чего я не понимаю.

– Платить он отказался этим черномазым, вот почему! А аренду наш Букашин сам аннулировал. Я, конечно, человек маленький, но мнится мне, что он не сам до этого додумался. Присоветовали ему, надо полагать. Так что с ремонтом у тебя ничего не выйдет. Ремонта-то много ли?

– Стекла, – лаконично ответил Юрий. – Фары. Капот помяли, зеркало своротили... ну и по мелочи кое-что.

– Это на «Победе» твоей, что ли? Пошли, посмотрим.

Они вышли за ворота. Колюня осмотрел машину Юрия и протяжно присвистнул.

– Слышал я, – задумчиво глядя в небо, сказал он, – что вчера в Быково заварушка была. Вроде как частники с нашим братом деньги делили... Ты не слышал?

– Краем уха, – ответил Юрий.

– Ага, – кивнул Колюня, – ясно... Если бы не краем, а в самое ухо, от машины, наверное, мокрое место осталось бы. Да и башку бы тебе не ушибли, а проломили насквозь.

Он указал на украшавший затылок Юрия пластырь. Юрий неловко рассмеялся.

– Тебе бы, Колюня, в прокуратуре работать, – сказал он. – Твоя правда, был я там. Хотел денег подрубить, совсем, понимаешь, брюхо подвело. Первый раз выехал. И занесла меня нелегкая в это Быково... Ну а там, сам понимаешь, никто не стал спрашивать, прав я или виноват.

– Круто было? – с любопытством спросил Колюня.

– Да круче я, пожалуй, и не видал, – ответил Юрий. – Не пойму только, из-за чего они завелись. При мне такого не было. Частников, правда, недолюбливали, но чтобы такое... Ну, не поделят клиента или место в очереди, ну, облают друг друга, а то и в зубы дадут, но до настоящей драки не доходило. А тут... Это не драка, а прямо какое-то побоище, честное слово. Какая муха их укусила?

– Черножопая, – без промедления ответил Колюня. – С бородой и в кожаной куртке. Они, собаки нерусские, не спрашивают, удачный у тебя был день или нет. Они одно знают: «Дэнги давай». Наши ребята волками воют, кто пожиже – те и вовсе увольняются.

– Интересно, – медленно сказал Юрий.

– Интересно ему! – передразнил Колюня. – Телок ты, Юрий, хоть и здоровенный, как шкаф. Загоняй свое корыто в мой бокс, посмотрю, что можно придумать.

– Денег у меня маловато, – признался Юрий.

– На литр белой хватит? – спросил Колюня.

– На литр хватит.

– А больше и не надо, иначе вся работа козе под хвост. Букашин охренеет, он и так все время за сердце хватается. Ладно, дуй в магазин, машину я сам загоню.

* * *

Сергей Русланович Валиев не привык пасовать перед трудностями. В самые тяжелые минуты, когда его так и подмывало бросить все и отступить, он вспоминал пыльные горы Афганистана, горячий от сумасшедшего солнца бронезилет и прочие прелести своей армейской биографии. После таких «погружений в прошлое» трудности текущего момента казались ему пустяковыми. Он с улыбкой перешагивал через них и шел дальше.

Платить бороатым чеченским бандитам он не собирался. Они живо напоминали ему тех, с кем он воевал в Афганистане, и Сергей Русланович не считал нужным скрывать это от двоих типов, которые однажды вечером пришли к нему в мастерскую и потребовали денег. Они говорили с таким сильным кавказским акцентом, что у Валиева возникли сомнения в том, что они способны понять хотя бы половину из сказанного им. Для скорейшего достижения взаимопонимания Сергей Русланович взял стоявший в углу гаража стальной лом и грохнул им по гулкому жестяному боку пустой двухсотлитровой бочки. На бочке осталась огромная вмятина, и гости моментально перестали нуждаться в услугах переводчика. Помянув большого ишака, они удалились, стараясь не поворачиваться к хозяину спиной.

Валиев знал, что они обязательно вернуться, и принял меры предосторожности. Не слушая протестов жены, он погрузил ее вместе с двухлетней дочерью в машину и отвез в Рязань к матери. Возвращаясь в Москву, он задумчиво покусывал нижнюю губу: было очень трудно сказать, когда они увидятся снова и увидятся ли вообще. Валиев хорошо понимал, с кем имеет дело. Эти люди не знали ни жалости, ни сострадания и ради достижения своих целей шли на все. Это были «сверхчеловеки», явившиеся в этот мир, чтобы покарать «неверных» и при этом набить свои карманы деньгами. Он догадывался, на что идут собираемые по всей Москве деньги: на них покупалось оружие, из которого бородачи в камуфляже рано или поздно снова будут стрелять в российских солдат. Национальное самосознание и ислам были для них всего лишь флагами, броской вывеской, под прикрытием которой можно было с чистой совестью кормиться обыкновенным разбоем. Слово «разбой» наиболее точно характеризовало то, что творилось вокруг, и Валиев, думая об этом, озабоченно хмурил густые брови. Ему хотелось только одного: спокойно жить в родном городе, заниматься своим делом и вдвоем с женой растить дочь.

Он полагал, что ему есть к кому обратиться за помощью. Идти в милицию бесполезно, но у него имелся один припрятанный в рукаве козырь, и Сергей Русланович, думая о нем, криво усмехнулся: ему казалось, что он может устроить смуглым рэкетирам небольшой сюрприз. Его друг и одноклассник, с которым они поддерживали тесную связь на протяжении всей жизни, служил в отделе по борьбе с организованной преступностью. Его широкие плечи украшали капитанские погоны, он был красив, спортивен, неплохо образован и очень уверен в себе. Прихватив бутылку коньяка, Валиев нанес ему дружеский визит и с удивлением убедился в том, что его козырный туз на самом деле – обыкновенная шестерка, да к тому же взятая из другой колоды. Выслушав просьбу о помощи, капитан со значительным видом нахмурил брови, закурил и после недолгого размышления предложил Валиеву не дергаться и заплатить чеченцам столько, сколько они требуют, пока те не увеличили сумму.

– Что? – не поверил своим ушам Валиев. – И это говоришь мне ты? Вы что, совсем не можете с ними бороться? Или просто не хотите?

– Хотите, не хотите... – недовольно проворчал капитан. – Мы, брат, вопреки расхожему мнению, такие же люди, как и все остальные. И хотим мы того же, чего и все нормальные люди: чтобы вокруг была тишь да гладь да божья благодать. А отличие наше от нормальных людей как раз в том и состоит, чтобы все это обеспечить...

– Я тронут, – злым голосом вставил Валиев. – Сейчас зареву!

– Реви, – проворчал капитан. – Не возбраняется... В общем, Серега, если честно, дело твое дрянь. Не можем мы тебе помочь. Ни тебе, ни себе и никому. Эта зараза – как рак. Сколько ни режь, все равно растет. На то, чтобы сгрести их всех в кучу и посадить, у нас не хватает ни сил, ни средств, ни юридических оснований. Можно ловить их на горячем – по одному, по два. Ну и что? На место тех, что сели, сразу приходят новые. Знаешь, сколько их там, в горах? И все бандиты. Я бы их с удовольствием мочил, но вот меня сразу посадят, а их от этого меньше не делается. Так что лучше плати. Спокойнее будет.

– Спасибо, – сказал Валиев и ушел, оставив на столе недопитый коньяк.

Он переселился в мастерскую и уже на третью ночь изловил у ворот гаража какого-то сопляка лет семнадцати, который, пыхтя от натуги и старательности, щедро поливал стену и ворота бензином из двадцатилитровой пластиковой канистры. Сопляк при ближайшем рассмотрении оказался самым что ни на есть русским – русые волосенки, серо-голубые, круглые от испуга глаза, курносый нос, веснушки... Пойманный на месте преступления, он попытался затеять игру в героя-партизана, и тогда Валиев, старательно рассчитав силу удара, залепил ему прямо по веснушкам. Можно было, конечно, и по шее, но эти веснушки в сочетании с удушливым запахом бензина почему-то окончательно взбесили Сергея Руслановича. Диверсант отлетел в угол, приземлился на пятую точку, вытер рукавом кровавые сопли и без дальнейших понуканий поведал Валиеву, что давно мечтает приобрести мотоцикл – разумеется, «Хонду», а не какой-нибудь «Восход» или, того смешнее, «Ковровец». Родители денег на «Хонду» не дают, а вместо денег, как водится, читают морали о пользе образования. А на что оно нужно, это самое образование, когда зарплату никому не платят, и вообще...

Валиев предложил поджигателю держаться ближе к теме. Тот вздрогнул и торопливо рассказал, что вчера к нему на улице подошли двое и предложили триста долларов за то, что он подожжет пустой гараж.

– Кавказцы? – с отвращением уточнил Валиев.

– Ага, вроде того, – подтвердил мальчишка.

Валиев выпроводил его пинком под зад и стал ждать продолжения. Ждать пришлось недолго: через два дня, когда он возвращался из гастронома, из проезжавшей мимо машины в него дважды выстрелили из пистолета. Обе пули прошли так далеко от цели, что было совершенно ясно: стреляли не на поражение, а исключительно для того, чтобы напугать. Машина

была неприметной белой «шестеркой» без номерных знаков, и, глядя ей вслед, Валиев в сердцах сплюнул на тротуар.

После этого «гости» приходили еще дважды. В первый раз они явились втроем и от слов сразу перешли к делу. Валиев, прошедший суровую школу десантно-штурмового батальона, в течение пятнадцати минут вел среди них разъяснительную работу, в ходе которой гости почему-то падали, с размаху натываясь на различные твердые и угловатые предметы. Они почему-то пришли без оружия, если не считать ножа-бабочки, что лишний раз подтверждало и без того очевидную истину: им нужна была не голова Валиева, а доля от его доходов. Сергей Русланович с большим удовольствием выделил им ту долю, на которую, по его мнению, они могли рассчитывать, и гости удалились, спотыкаясь и поддерживая друг друга.

В следующий раз чеченцы явились впятером, и Валиеву пришлось туго, но и на этот раз ему удалось отбиться. Его изрядно помяли и повредили кое-что из оборудования мастерской, но в целом все закончилось лучше, чем можно было ожидать. Валиев решил, что непременно обзаведется оружием – хотя бы охотничьим ружьем – и будет спать с ним в обнимку. Осуществить этот план он не успел, потому что на следующий день к нему в гараж явился директор таксопарка Иван Валентинович Букашин и не терпящим возражений тоном заявил, что в одностороннем порядке расторгает договор аренды. Смотрел он при этом мимо Валиева и имел жутко оскорбленный вид – очевидно, в целях самозащиты.

– Погодите, Иван Валентинович, – сказал потрясенный Валиев. – Объясните толком, что стряслось? Плачу я вам аккуратно, ничем противозаконным у себя в мастерской не занимаюсь. В чем дело, черт возьми? Какая муха вас укусила?

– Никакие мухи меня не кусали, – неприязненно ответил Букашин. – Помещение понадобилось для производственных нужд. Кроме того, в последнее время здесь у вас вертятся какие-то лица кавказской национальности, драки какие-то происходят, шум, гам, нецензурная брань... И потом, вы здесь ночуете. Этого в договоре нет, так что будьте любезны в течение сорока восьми часов освободить помещение. Мне не нужны неприятности.

– Ах, вот оно что! – воскликнул Валиев. – Неприятности! Вот, значит, где собака зарыта! Иван Валентинович, дорогой, почему бы вам не сказать прямо, что произошло?

– А то ты не знаешь, – внезапно сменив тон, проворчал Букашин и устало присел на край верстака, не заботясь о том, что может испачкать свои серые в елочку брюки. – Позвонили мне. Сказали, чтобы гнал тебя вшаей, иначе плохо будет. А у меня, братец, семья... Дочка на выданье. Как представлю, что эти скоты до нее могут добраться, прямо наизнанку выворачивает. Какая муха меня укусила... Это ты мне скажи, какая муха тебя укусила? Отстегивал бы им раз в месяц, и было бы все тихо-мирно, чинно-благородно... Работал бы и горя не знал. Чего ты в бутылку лезешь? Маленький, что ли? Не знаешь, как у нас в России дела делаются? Не подмажешь – не поедешь. Заработал – поделись с другими... Вроде церковной десятины.

– Ты, Валентиныч, мне азбуку наизусть не декламируй, – сказал Валиев. – Россия – это одно, а Чечня – совсем другое дело. Ты хоть соображаешь, на что эти деньги идут? У тебя ведь, кажется, кроме дочки, еще и сын подрастает. Глядишь, как раз поспеет на Вторую Чеченскую. Может, ты меня сейчас подбиваешь заплатить за ту самую пулю, которой его убьют. Об этом ты думал?

– Ты что?! Что ты несешь? – испугался Букашин. – Да как у тебя язык повернулся такое сказать?

– Так ведь это же правда, Валентиныч. Я твоему Валерке только добра желаю, потому «зверям» не плачу и платить не собираюсь. Лучше сдохнуть.

– Сдохнуть – не проблема, – вздохнул Букашин. – Это у них в два счета... Только давай-ка ты занимайся этим где-нибудь подальше отсюда. А то ведь они с меня могут начать, с моей семьи. Я понимаю, что ты про меня сейчас думаешь, но пойми и ты, Русланыч: я-то в спецназах не служил, у меня, кроме милиции, защиты никакой нету, а милиция – сам понимаешь, какая

это защита. Загубишь ты меня, Русланыч, ни за понюх табаку. Я-то здесь при чем? Семья моя в чем виновата, что ты из-за денег своих нас под пули подставляешь?

– Эх, Валентиныч, – вздохнул Валиев, но не закончил фразу. По-своему Букашин был прав. Все, чего он хотел, был покой и безопасность. Защищаться он не умел, и нельзя было ожидать, что он пожертвует своей жизнью и жизнями своих близких ради того, чтобы защитить Валиева от поборов. Оружие, которое, может быть, купят на эти деньги, – ерунда. Оружие купят все равно, не на эти деньги, так на другие. Не все такие дураки, как Валиев. Большинству людей своя шкура все-таки дороже шкуры какого-то абстрактного солдата, который, может быть, погибнет, а может быть, и нет. Да и когда еще это будет и будет ли вообще? Конечно, неприятно, что какой-то заезжий кавказец наступает тебе на глотку в центре Москвы, в сердце России, и при этом даже не считает тебя человеком – так, козьявка какая-то, дойная корова, тварь бессловесная... Это обидно, но, как говорится, живая собака лучше мертвого льва. Подумав об этом и о многом другом, Валиев молча кивнул и, не откладывая дела в долгий ящик, стал демонтировать оборудование. Букашин немного постоял у него за спиной, глядя на сборы ничего не видящими глазами, а потом тихо вышел из мастерской, притворив за собой дверь.

Валиев распродал оборудование по дешевке, повесил на ворота гаража огромный висячий замок и лично отнес ключ Букашину. Директор таксопарка опять глядел в сторону, и Валиев не стал выяснять отношения. Он положил ключ на стол, сухо попрощался и ушел, чтобы больше не возвращаться. На губах у него застыл горький привкус поражения, руки сами собой сжимались в кулаки, а символическая сумма, которую совестливый Букашин на свой страх и риск выплатил ему из кассы таксопарка в качестве неустойки, жгла карман. Мечта иметь собственное дело рухнула, подстреленная чеченским снайпером.

В начале октября Сергей Русланович привез из Рязани жену и дочь.

Глава 6

Валиев стоял в тени навеса на перроне Белорусского вокзала и курил, засунув руки в карманы кожаной куртки. Ему было жарко. С утра накрапывал дождик, дул пронизывающий порывистый ветер, и, выходя из дома, Сергей Русланович надел теплый вязаный свитер и кожанку. Однако к полудню тучи куда-то ушли, и неяркое октябрьское солнце, постепенно набрав силу, стало припекать плечи и макушку, заставляя Валиева прятаться в тень.

За спиной у него был зал ожидания, впереди виднелись платформы, к одной из которых только что подошла электричка. Валиев напрягся, но тревога оказалась ложной: это был пустой состав, поданный из депо.

Он огляделся, увидев знакомое, уже успевшее набить оскомину зрелище: растянувшись неровной редкой шеренгой, справа и слева от него стояли тепло, не по погоде одетые мужчины с одинаковым искаженным выражением на лицах. Некоторые, как и он, курили, другие о чем-то беседовали, сбившись в кучки по два-три человека. Снующие по перрону люди проходили мимо них, как мимо столбов, а они то и дело негромко повторяли: «Такси. Такси берем. Куда поедет, командир? Дама, возьмите машину...» Иногда потенциальный седок кивал, и тогда счастливцев, на долю которого выпал заработок, подхватив узлы и чемоданы, торопливо устремлялся к своей машине, увлекая за собой пассажира.

Валиев тщательно прицелился и с трех метров попал окурком в закопченную пасть мусорной урны. Окурок чисто прошел по центру отверстия, не задев край, и через секунду оттуда поднялась ровная голубоватая струйка дыма. Сергей Русланович снова огляделся. На вокзале было пустовато, и он от нечего делать закурил еще одну сигарету, отметив про себя, что распечатанная утром пачка подходит к концу. С тех пор как он закрыл собственную мастерскую и снова занялся частным извозом, жена не уставала повторять, что он слишком много курит. Валиев вздохнул. Он возил пассажиров всего неделю, но ему казалось, что он занимается этим лет десять, не меньше. Это была совсем не та работа, которой ему хотелось бы заниматься. Очень некстати вспомнилось, что в Европе и Америке за баранкой такси сидят, как правило, эмигранты, ни на что больше не годные и не желающие учиться, чтобы приобрести более престижную профессию.

«Ничего, – подумал он, – прорвемся. Это просто перерыв, коротенькая пауза. Ведь занимаются же люди бизнесом – и ничего! Гибкости мне не хватает, вот что. Когда-то давно кто-то очень хитрый понавыдумывал правил и принципов, чтобы легче было дураков за нос водить, а я и уши развесил. Вот мне и дали по этим самым ушам... Слишком много задаю вопросов.

Он слегка напрягся и, прищурившись, повнимательнее взгляделся в двоих одетых в кожанки людей, медленно двигавшихся вдоль перрона. Помимо кожаных курток, на них были просторные, тщательно отутюженные брюки и сверкающие даже издали дорогие туфли. Черты лица на таком расстоянии были неразличимы, но Валиев отчетливо видел иссиня-черные шевелюры и смуглую кожу. Один из кавказцев время от времени лениво затягивался сигаретой. Двигались эти двое неторопливо, словно прогуливались без всякой определенной цели. Проходя мимо дежурного сержанта, они обменялись с ним парой слов, после чего все трое рассмеялись. Сержант, повернувшись к ним спиной, скрылся в здании вокзала. Он тоже двигался не спеша, бдительно поглядывая по сторонам и барабанил пальцами по прицепленному к портупее микрофону рации.

Кавказцы медленно приблизились к стоявшему на левом фланге высокому, крепкому на вид мужчине лет пятидесяти с сильно выдающимся вперед животом и толстощеким лицом, цвет которого свидетельствовал об отменном здоровье и волчьем аппетите. Заметив кавказцев, здоровяк засуетился. Лицо его расплылось в фальшивой улыбке, плечи неуловимо ссутулились, а рука без задержек нырнула во внутренний карман куртки, вернувшись оттуда с

бумажником. Наблюдая за тем, как толстяк на виду у всего вокзала неприкрыто отсчитывает деньги вымогателям, Валиев не заметил, как закурил третью подряд сигарету.

В шеренге водителей началось шевеление. Вздыхая, продавцы скорости лезли кто за пазуху, кто в задний карман джинсов, извлекая на свет божий бумажники, портмоне и просто комки мятых купюр.

– Явились – не запылились, – пробормотал кто-то справа от Валиева.

– Да, мужики, – вздохнул еще кто-то, – жили мы – горя не знали...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.